

Агентство «Глория»

Фридрих Незнанский
Репетиция убийства

«Автор»

Незнанский Ф. Е.

Репетиция убийства / Ф. Е. Незнанский — «Автор»,
— (Агентство «Глория»)

...Странное дело. Дело, в котором мотивов для преступления – слишком много, а единственный подозреваемый – нелеп до неправдоподобности. Дело, которое принял самый многоопытный сыщик прокуратуры – следователь «по особо важным» Штур. Но одновременно расследование начинает совсем молодой сотрудник МУРа Грязнов... Два следователя. Два следствия. Две абсолютно разные версии...

© Незнанский Ф. Е.

© Автор

Содержание

Борис Соломонович Хайкин. 21 июня	5
Оперуполномоченный Владимиров. 21 июня	9
Ольга Минчева. 21 июня	13
Борис Соломонович Хайкин. 21 июня	17
Старший советник юстиции Штур. 22 июня	21
Денис Грязнов. 22 июня	27
В. А. Штур. 22 июня	31
Денис Грязнов. 22 июня	37
В. А. Штур. 22 июня	41
Денис Грязнов. 23 июня	45
В. А. Штур. 23 июня	48
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Фридрих Евсеевич Незнанский

Репетиция убийства

Борис Соломонович Хайкин. 21 июня

С несколько даже опасливой улыбкой Борис Соломонович Хайкин поймал себя на том, что насвистывает ту, старую, утесовскую: «Сердце, тебе не хочется покоя». Может, конечно, сердцу и не хотелось покоя, но – ничего не поделаешь, оно в нем очень даже нуждалось. В последнее время Борису Соломоновичу нездоровилось. А все – пресловутое сердце, будь оно неладно. Регулярно, чаще по вечерам и ночью, за грудиной стучал гнусный острый молоточек, ноющая боль разливалась по телу, пульс частил... Ну нитроглицерин, понятное дело, у Бориса Соломоновича всегда был наготове, и дома, и на работе, во всех доступных местах. Вот только пользы от того нитроглицерина... И в жизнь Бориса Соломоновича вошел жуткий, как пишут в книжках, «липкий» страх. Все просто: Борис Соломонович Хайкин, преодолевший нелегкий и, чего уж греха таить, весьма тернистый путь от помощника начальника смены на буровой до начальника треста, ставший депутатом, а потом и вице-спикером Государственной думы, теперь, когда настоящая жизнь только-только начинается, естественно, не хотел умирать. А этот проклятый молоточек, как назло, принимался за свои разрушительные работы где-нибудь там под утро, когда страх особенно силен и бесконтролен...

Кардиограммы, датчики-проводочки, рецепты, сокрушенное покачивание головой давнего друга, доктора Кормильцева – доки в своем лекарском деле, и всяческие невыполнимые советы – все это обрушилось на седую голову Бориса Соломоновича. Нет, он себе, конечно, не враг, запускать сердце не собирается, жить хочет, но в санаторий уехать, пройти курс – не может, времени элементарно нет. Не может он себе позволить выпасть из обоймы, из процесса как раз сейчас, когда все так закрутилось.

Все, на что он готов согласиться, – это милые дедовские терапевтические меры, которые немножко успокоят его старое сердце. И вот Борис Соломонович уже пару недель честно пил теперь по утрам не черный кофе, а апельсиновый сок и травяной чай, снизил количество ежедневных сигарет до одной пачки «Мальборо-Лайтс» в день, а плюс к тому завел приятный ритуал, которого с неожиданным удовольствием придерживался вот уже который день. Между дневными и вечерними заседаниями Думы он теперь возвращался в милое сердцу Покровское-Глебово, пил свой овощной бульон, полчаса лежал на диване в кабинете, а потом около часа гулял со своей собакой, русской борзой Найдой, в обширном дворе роскошного жилком-плекса.

Ему нужно было просто неспешно ходить, дышать свежим воздухом и стараться получить как можно больше приятных эмоций. Отчего же нет? Самое приятное, что Борис Соломонович и вправду ощутил существенное улучшение самочувствия от рекомендованного курса. Забавно, что вынужденный спокойный режим обычно невероятно активного Хайкина породил просто-таки моду в думских кругах. Отныне всякий сколько-нибудь солидный депутат после утреннего заседания бросал что-нибудь многозначительное на тему пошатнувшегося здоровья, усаживался в персональное авто и отбывал в направлении загородного дома – с тем чтоб, значит, гулять там в тени деревьев и наслаждаться приятными эмоциями. Релаксация, сиеста – называйте, как угодно, Борису Соломоновичу было хорошо, вот и все.

Вот и сегодня он приехал домой в самом чудесном настроении, уже предвкушая, как пройдет аллеями уютного двора-сквера, как будет наблюдать за красавицей Найдой, как перемолвится словечком-другим с милейшими соседями...

Денек славный, чего уж тут. Солнце, потом вот эти все тени и блики на земле, Найду спустили с поводка, и она носится теперь с сумасшедшим лаем, то гоняясь за бабочками, то преследуя кошек, то притаскивая хозяину какие-то нелепые ветки, а то и просто так, туда-сюда, заходясь восторгом от полноты своего собачьего бытия. Борис Соломонович ощущал понятную растроганность – собак во дворе много, но борзая одна, да еще с такой родословной, есть чем гордиться, да и вообще было ему очень хорошо и уютно, и он с неким даже приятным чувством вспомнил слова доктора Кормильцева: «Борис Соломонович, дорогой, никто еще не придумал ничего полезней прогулок. Я вам не предлагаю совсем отвлекаться от рабочих проблем, но вы ведь можете совмещать приятное с полезным. Прогуливайтесь себе не спеша – и думайте о чем угодно. Главное – гулять не меньше часа».

Поодаль, на необходимом, но почтительном расстоянии маячили верные телохранители Толик и Виталик, каковых Борис Соломонович в дурном расположении духа именовал «мое мясо», а в добром звал, по Свифту, «человеки-горы». Мысли текли легко и свободно, от закулисных думских проблем Хайкин перешел к проблемам финансовым, включавшим в себя не реализованные пока проекты. Свернув на очередную очаровательную мощеную дорожку, шедшую вплотную к фигурной решетчатой стене вокруг усадьбы, Борис Соломонович обратил внимание на живописную группу беседующих поблизости от ворот. Три человека. Одного Борис Соломонович не знал – лысеющий солидный мужчина лет пятидесяти, одетый со щегольской небрежностью, жестикулирует скупое, улыбка неприятная, лицо весьма высокомерное. А вот с прочими двумя собеседниками Хайкин знаком был очень и очень неплохо. Виктор Тарасенков собственной персоной, ну как же, через две недели они с Борисом Соломоновичем даже сговорились сыграть в теннис на закрытых правительственных кортах. Конечно, Тарасенков Хайкина «сделает» еще в первом сете, но поразмяться не повредит. Субъект любопытный этот Витя Тарасенков. Бывший генерал ФСБ, одно это чего стоит. А ныне такой весь ушедший от закулисных политических игр, возглавляет теннисную федерацию страны... Ох, полюбили наши самые главные теннис. Нынче пора бы на карате переключиться или на что там – дзюдо? Короче, чтобы в кимоно ходить. А они все в теннис, впрочем, Витя Тарасенков – человек ушлый и дошлый, волну чувствует, скоро, поди, примется нашего брата по татами раскидывать...

Но вот что Тарасенков делает в обществе Кристины Арбатовой, а для близких (в том числе для Бориса Соломоновича) – просто Крыси? Неужели просто внаглую кадрит, старый козел, сладкоголосую нашу звезду? А Кристина – в своем репертуаре, глазками стреляет, ножку отставила, полотенецко через плечо, сумкой пляжной покачивает, невзначай светя коленкой в разрезе юбки, – не иначе как купаться наша девочка собралась...

Чуть поодаль, ясное дело, бросая друг на друга независимые и недружелюбные взгляды, роют землю ногами телохранители. Первой Бориса Соломоновича заметила Кристина, игриво крикнула ему: «Добрый день, дядя Боря, как самочувствие?» Тут и Тарасенков обернулся и поприветствовал: «Борис Соломонович, наше вам!» А тот, третий, только сухо кивнул и смотрел отчего-то не сильно ласково. Борис Соломонович к ним подходить не стал, только Тарасенкову улыбнулся, а Кристине ответил громко: «Девочка, родители будут звонить, поклон передавай, отцу скажи, наберу его в понедельник!»

Приличия были соблюдены, и Борис Соломонович размеренным шагом двинулся дальше, размышляя о своем, о депутатском. Иногда он покрикивал на Найду, если она лаяла уж очень громко и тем пугала чьего-нибудь ухоженного ребенка (а скорее, его истеричную няню – доктора наук).

Но тут случилось именно то, чего Борис Соломонович давно подспудно опасался: Найда узрела Кристину Арбатову, и всплеск бескорыстной страсти не заставил себя долго ждать. Кто его знает, чем так угодила привередливой псине амебообразная Кристина, вряд ли русские борзые способны оценить безграничный талант и несусветную красоту отечественных эстрад-

ных певиц. Но, видно, Найда чуяла что-то родственное, ибо любила Арбатову всей душой, что и демонстрировала безудержным лаем, совершенно «вентиляторным» движением хвоста и абсолютно человеческой счастливой улыбкой. В данный момент собака имела возможность явить свой восторг без помех. Бабочки, травка и даже окрестные кошки были забыты: Найда гигантскими скачками понеслась к Кристине.

– Найда! Найда, стоять! – грозно крикнул Борис Соломонович, пытаясь как-то совместить в выражении лица благодушную улыбку и сурово нахмуренные брови, однако неутомимая борзая на всех парах неслась к любимой певице и, видимо, вконец опозорила бы своего хозяина перед элитной общественностью, не произошли в этот момент нечто совершенно неожиданное.

Борис Соломонович лишь краем глаза заметил какое-то движение, после чего как-то вдруг осознал, что лежит на газоне, сметенный непонятным вихрем. Спустя пару секунд он понял, что на него обрушились две тонны сплошных мускулов верных Толика и Виталика, закрывших хозяина телом, как того и требует устав профессионального телохранителя. Еще через пару секунд, с некоторым опозданием, Борис Соломонович услышал автоматные очереди, затем – крики, после чего над его ухом явственно выmaterился Толик. А дальше наступила непонятная и жуткая тишина, охранники наконец встали и помогли подняться с земли хозяину. И только тут, деловито оглядевшись, Борис Соломонович смог оценить масштаб случившегося.

Те двое, что говорили с Кристиной, были однозначно мертвы. И выглядели, скажем прямо, жутковато. При взгляде на тело элегантного Тарасенкова у Бориса Соломоновича некстати мелькнула дурацкая, кощунственно-прибауточная мыслишка: «Ну вот, сыграли в теннис, говорил я, плавание полезней для здоровья». Телохранители погибших также пострадали, в данный момент они с не слишком приличествующими их статусу стенаниями ползали по траве, пачкая ее кровью. Чуть поодаль лежала Кристина Арбатова, судя по всему, раненная только в ногу.

– Бог ты мой, Кристиночка, как же это?! – возопил Борис Соломонович, с неожиданной легкостью вывернувшись из цепких объятий своих бодигардов и ринувшись к побелевшей от боли Арбатовой.

То ли выдержка у Кристины была – дай Бог каждому, то ли просто фактор шока сработал, но только она вовсе не плакала и не кричала, только губы закусил. Она лежала на мощной дорожке, неловко опершись на локоть, кровь из простреленной ноги уже растеклась основательной лужей. Запыхавшийся Борис Соломонович опустился на колени рядом, чувствуя одновременно дурноту, ужас и облегчение: жива Кристина, ему не придется описывать произошедшее ее родителям, давним друзьям еще с юности.

О том, как следует оказывать первую помощь при огнестрельном ранении, Борис Соломонович имел самое смутное представление, он точно знал одно – раны следует перевязывать. В каком-то истерическом дурмане Хайкин взялся срывать с себя рубашку с твердым намерением, как в военном кино, разорвать ее на куски для «перевязочного материала». Только подбежавшие наконец Толик с Виталиком положили конец этой трагикомической мизансцене, избавив рубашку от незаслуженно ранней и бессмысленной гибели, а Бориса Соломоновича – от позорного осознания своей неумелости. Тем временем целая толпа окружила Кристину, которая теперь уже немного подвывала сквозь зубы – то ли боль стала невыносимой, то ли следовало оправдать ожидания публики. Между тем Борис Соломонович вновь выскользнул из рук телохранителей и помчался к неподвижно лежащей Найде, о которой в эти несколько сумасшедших минут даже не подумал. Юный и не обученный деликатности Толик бросился было следом, но более солидный и «понимающий» Виталик его удержал. Любимая собака, красавица, верный друг, член семьи, Найда была убита сразу и, судя по всему, мучилась недолго.

Самым ужасным было то, что глаза несчастной собаки были открыты и сохраняли привычную, «живую» влажность.

Борис Соломонович чувствовал себя ужасно, словно у него на глазах погиб собственный ребенок. Впрочем, Найда и была таким ребенком. Ему хотелось плакать, горло перехватила судорога, в голове вертелись отрывочные воспоминания о ходе событий, смутные предположения и одна и та же фраза: «Собаку-то за что?» Он сидел над трупом Найды и машинально гладил ее теплый бок, пока Виталик и Толик не подняли его мягко, но настойчиво, и не повели в дом, успокаивающе-сочувственно бормоча: «Борис Соломонович, там врач пришел, вам бы прилечь надо...» Он совершенно растерялся, ослабел, как-то вдруг на плечи обрушилась огромная усталость, поэтому сопротивляться, настаивать, возвращаться уже не было сил.

Медленно двигаясь к дому, облокотившись на каменные руки охранников, Борис Соломонович осознал наконец все те отрывочные сведения, которые своим гулким монотонным баском излагал Виталик:

– Они, Борис Соломоныч, из «форда» стреляли. Там «форд» белый стоял возле бизнес-центра, стекла тонированные, номеров никто не засек. А потом – оглянуться не успели – очередь. Мы почему с Толькой прикрыть вас успели? Ствол блеснул, вон солнце какое. Я по привычке военной даже думать не стал, в кого целят, только Толяну крикнул – и вас прикрывать... А те ребята чего-то не сориентировались, не прикрыли своих... Борис Соломоныч, осторожней, ступеньки пошли... Порог... Он ведь незнакомый-то «форд» был, мы с Толькой ни разу его тут не видели, чей бы? Да еще белый, специально, что ли, светились? Маячил-маячил, припаркованный, откуда, кто на территорию пропустил?... Борис Соломоныч! Толька, берись, понесли, у него приступ вроде...

У Бориса Соломоновича действительно случился сердечный приступ, благо охранники уже довели его до дома. Он еще смог сделать несколько шагов по блестящему паркету, но тут боль за грудиной стала совсем невыносимой. Какой уж тут овощной бульон, какие прогулки, какое спокойствие. Хотелось не хотелось сердцу Бориса Соломоновича Хайкина покоя – не важно. Покоя ему испытать, видно, было не суждено, а уж на такие-то потрясения оно и вовсе не было рассчитано.

И теплая собака Найда больше не придет в кабинет, не ткнется длинной умной мордой в ладонь, не уляжется на специальном своем месте вблизи дубового письменного стола. Не будет она больше провожать хозяина на работу и не будет встречать с оной радостным лаем. Нет Найды, и именно это подкосило Бориса Соломоновича, а не гибель на его глазах двоих людей и не ранение девочки-певички. И даже не догадки о том, в кого целился автоматчик из белого «форда». Хотя как раз об этом Борису Соломоновичу подумать следовало...

Оперуполномоченный Владимиров. 21 июня

В Покровском-Глеbove было по-весеннему свежо, и свежесть эта нахально проникала в салон «Газели» сквозь закрытые стекла, создавая ощущение легкой нереальности происходящего. Вроде рядовой выезд на убийство, а вроде и нет. За окном не трудовая полдень столицы, а какой-то голливудский сироп.

Оперуполномоченному МУРа капитану Владимирову надоело глазеть на идеально зеленую лужайку, и он уставился в затылок водителю. Вот сейчас водила тормознет, машину тряхнет как следует, и все – приехали, конец наваждению. Жаль... Капитан инстинктивно подался назад, но водитель не ударил по тормозам как обычно. Их «Газель» осторожно подкралась к такой же точно с надписью AMBULANCE и синей снежинкой на боку.

Владимиров поскорей спрыгнул на землю, бесцеремонно отстранив с прохода сопровождавшего их местного секьюрити, покрутил головой, но мираж не рассеялся. Окружающий пейзаж напоминал Шереметевский парк, вздумай граф заложить его в наши дни, и был этот парк практически безлюден, если можно себе такое представить.

В нескольких шагах от Владимирова на траве сидела интеллигентная немолодая дама, санитар бережно поддерживал ее за плечи, врач делала внутривенное, а девочка лет пяти сосредоточенно обмахивала лицо женщины увесистой книгой с английским названием. Прочсть название Владимиров не смог. За их спинами параллельно дороге тянулась вычурная чугунная решетка высотой в два человеческих роста, перелезть через которую было бы не так просто, тем не менее роль она играла исключительно декоративную: парк располагался в самом центре комплекса, а периметр, насколько Владимиров успел разглядеть, и снаружи, и изнутри выглядел более чем внушительно. С противоположной стороны дороги, примерно в двадцати метрах от ее края, в тончайшей водяной пыли, источаемой спрятанным где-то в траве разбрызгивателем, дрожала удивительной чистоты и сочности радуга. Прямо под ней посреди всей этой неземной красоты на тропинке, посыпанной мелким гравием, раскинулись четыре трупa. Точнее, пять – там была еще и собака. Очень благородно раскинулись, грациозно, иначе не скажешь. И очень убедительно. Издалека видно: «скорая» им уже без надобности. Можно приводить в чувство впечатлительную свидетельницу, чтобы не получилось, будто совсем зря приехали. Довершал идиллию мирно догорающий местами еще белый «форд» метрах в семидесяти – восьмидесяти впереди на обочине – на самом краю парка с тыльной стороны бизнес-центра. Больше машин в пределах видимости не было, что как раз неудивительно: движение здесь запрещено, к бизнес-центру, в яхт-клуб, в жилую часть, к полю для гольфа, как объяснил секьюрити, пока они добирались от ворот к месту происшествия, нужно ехать в обход, вокруг парка. Странно другое: по словам того же секьюрити, среди аборигенов и постоянных гостей считается хорошим тоном не разъезжать по территории на авто, а ходить пешком через парк; тропинка, на которой все произошло, – одна из местных магистралей. Если это так, почему, спрашивается, народу, не считая полуживой дамы с девочкой, – ни души?

Врач, наспех покончив с уколом, засемила к оперативной машине. Она была очень маленькая на огромных шпильках, изящные туфельки вязли во влажной траве, она брезгливо встряхивала ножкой при каждом шаге, как изнеженная домашняя кошка, выбравшаяся погулять по свежему снегу.

– Было еще двое раненых, – сказала она, обращаясь к Владимирову, и кивнула в направлении погибших, – средней тяжести, только что увезли в Склифосовского. Арбатова – певица – и телохранитель.

Старший группы, следователь Останкинской, кажется, прокуратуры, – Владимиров работал с ним сегодня впервые и познакомиться толком еще не успел – выскочил из-за его спины, недовольный тем, что в нем не распознали начальника, и коршуном налетел на врача:

– Чей телохранитель? Арбатовой?! Пострадавшие в сознании? Видели нападавших? Что-нибудь говорили? Когда их увезли?!!

– Что значит «когда увезли»?! – Маленькая докторша перешла в наступление, потеснив его на пару шагов. – Сразу увезли! Немедленно! Не вас же было дожидаться! Понятия не имею, чей это был телохранитель! Вот вам свидетельница, – ткнула она пальцем в сторону дамы, пытавшейся подняться с помощью санитара и девочки, – ей и морочьте голову! – Она гордо вскинула подбородок и, хлопнув дверцей, скрылась в кабине «скорой».

Даму поставили на ноги. Она еще не вполне пришла в себя после обморока и укола, выглядела невероятно бледной. Одной рукой она крепко сжимала санитара за рукав, а другой неуверенно подавала какие-то знаки: то ли приветствуя криминалистов, то ли пытаясь привлечь к себе внимание. Следовательно, не удостоив ее взглядом, распорядился:

– Владимиров! Опрашиваешь свидетельницу, разбираешься с «фордом», и поживей давай! Со старой кошелкой долго не возись, потом подробно допросим, проясни только общую картину – они что, пол-литра на троих не поделили и друг друга перестреляли или кто-то их всех скопом уложил? Так, и пробегись давай рысцей по округе, отыщи еще свидетелей! Что за бред, вообще, такой: времени два часа, солнце, погода, а в парке никого! Совсем, гады, зажрались! Все понял?! Остальные – за мной! Пошевеливаемся! Через пять минут начнется. Понаедут...

"Понаедут, конечно, тебе-то что за кручина? – Владимиров демонстративно медленно, вразвалочку отправился исполнять руководящие указания. До сих пор он был о следователе лучшего мнения, правда, до сих пор тот в основном отмалчивался, с начала дежурства они перекинулись парой-другой пустопорожних фраз. – Слетятся большие звезды – тебе же лучше: нас отправят дежурить дальше, будешь опять над своим кроссвордом морщиться: «...дочь критского царя Миноса, жена Тесея...»

– Ангелина Германовна. – Дама натужно улыбнулась. – Все, можно меня не держать. – Она выпустила рукав санитара и махнула рукой, чтобы он уходил. – Я беби-ситтер. Это – Юлечка. Юленька, say good day to policeman. – Она попыталась погладить девочку по головке, но вместо этого покачнулась и судорожно схватилась за Владимирова. – Нет! Я буду на вас опираться, если вы позволите.

– Конечно! – Он аккуратно обвел ее холодную кисть вокруг своего локтя и покрепче прижал к себе. – Вы видели, как это произошло?

– Of course! Как в плохом американском кино! – Она вдруг еще сильнее побледнела и несколько раз глотнула ртом воздух. Он уже пожалел, что санитару так поспешно дали отставку.

– Ангелина Германовна!

– Да. Все нормально, – ответила она шепотом, натужная улыбка стойко держалась на ее лице, – профзаболевание: когда нервничаю, теряю голос. Я же не всегда работала с детьми, между прочим, до недавнего времени я заведовала кафедрой английского в БГУ. А было все как в плохом американском кино, я вам уже говорила. Только не подумайте, раз я старая швабра, значит, любое американское кино новее «Унесенных ветром» считаю плохим. Просто в хорошем кино мафиози не устраивают перестрелок там, где гуляют дети. Всему свое место, вы меня понимаете?

– То есть была перестрелка? Кто в кого стрелял?

– Я, наверное, неправильно выразилась, представьте себе, внутри все как-то оборвалось, до сих пор не могу прийти в себя. Это просто чудо, что мы с Юленькой остались целы! Стреляли из той машины, – указала она на горящий «форд», – и как стреляли! Знаете, как говорят: косить из пулемета. Тра-та-та-та-та-та, тра-та-та-та-та-та, и всех наповал! Один этот депутат Госдумы не пострадал. Профессиональный трус и чутье похлеще, чем у его же собаки, – еще до первого выстрела плюхнулся на брюхо, голову руками закрыл и дрожал так, что земля тряслась.

– Какой депутат?! – Владимиров только теперь представил себе размах дела и чертыхнулся про себя: следователь прав, с минуты на минуту слетится все начальство, как пить дать, и такое начнется – мало не покажется.

– Как «какой депутат»?! Тот, что с собакой гулял, это же его телохранители вас сразу и вызвали по мобильному телефону, не успел он отряхнуться. Фамилия у него какая-то... Хамкин, кажется. Когда машина взорвалась, мне стало плохо, я попросила его мордovorотов присмотреть за ребенком – куда там! Я тогда уже к нему лично обратилась: «Умоляю, присмотрите за ребенком, я в любую секунду могу потерять сознание!» – а он отвечает: «Мне нужно привести себя в порядок!» Они его тут же под белы ручки и увели.

– Погодите, Ангелина Германовна. Значит, стреляли из того белого «форда», а потом он взорвался. Вы видели, кто стрелял? И как он потом скрылся? Была еще одна машина?

– Нет. Других машин не было. Стрелявшего я, конечно, не видела... Послушайте, я совсем не подумала!... Теперь понятно, почему телохранители так торопились депутата отсюда увести – стрелок-то ведь никуда не делся!

Владимиров окончательно перестал что-либо понимать. Он хотел уже оставить в покое Ангелину Германовну, как того требовал следователь, и работать дальше, телохранители депутата наверняка смогут описать произошедшее во всех подробностях, но она вцепилась в его руку изо всех сил и быстро произнесла, опасаясь, видимо, что он сейчас высвободится и уйдет, не дослушав:

– Взрыв раздался сразу после последней очереди, в ту же секунду. Киллер не успел бы убежать. Он там, в машине. Сгорел!

Владимиров инстинктивно взглянул на «форд». Что-то в нем не понравилось ему сразу, но пять минут назад он не придавал этому значения: ему все вокруг с первого взгляда не понравилось, не один этот злосчастный «форд». Теперь-то он видел, в чем дело: автомобиль горел совсем не так, как положено ему природой: огонь хозяйничал только в салоне, а крышка бензобака была девственно белой.

Он поискал глазами следователя. Тот с озабоченным видом сидел на корточках возле трупов и что-то выговаривал судмедэксперту и проводнику служебно-розыскной собаки, все, вместо того чтобы заниматься своим делом, стояли и молча его слушали. Владимиров сплюнул, не обращая внимания на протесты водителя, сорвал с крепления огнетушитель и бегом направился к горящему «форду».

Стекла в машине были опущены. Огонь уже почти погас, дотлевала только обшивка водительского сиденья. Посреди салона громоздилась странная, искореженная взрывом конструкция: станина с электроприводом, судя по всему от какого-то геодезического прибора – диск с круговой шкалой, способный вращаться в вертикальной и горизонтальной плоскостях, на нем закреплен автомат Калашникова калибра 5,45 мм, без приклада, зато с оптическим прицелом, к которому сзади примыкала телекамера, в свою очередь соединенная с обломками ноутбука. Из остатков ноутбука, собственно, от взрыва он по преимуществу и пострадал, во все стороны тянулись обгоревшие провода.

Владимиров оторопело смотрел на это чудо техники, прошло, наверное, несколько минут, пока кто-то не похлопал его сзади по плечу. В человеке, выведшем его из оцепенения, он узнал начальника МУРа Вячеслава Ивановича Грязнова. Грязнов был один, без положенной высокому начальству свиты, то есть она, разумеется, была, но до Владимирову пока не добралась – рассеялась по парку.

– Идиотизм какой-то, мать их! – добродушно сказал Грязнов. – Лабиринтов понастроили! Еле вас нашли. Скоро тут минотавры заведутся. Будут VIP-персон трескать, не облизываясь. Ну, докладывай!

Владимиров отстранился, давая начальству обзор, и произнес, от волнения размахивая огнетушителем:

– Компьютер стрелял, Вячеслав Иванович. Как вы точно заметили, мать их растритак! Робот, представляете!

– Да, робот-киллер, – пробурчал себе под нос Грязнов, сунул голову в салон и даже цапнул пальцем раскаленный ствол. Хотел что-то добавить, но не успел – на всех парах к ним подлетел следователь и, не поздоровавшись, принялся докладывать:

– Убиты, судя по обнаруженным на месте документам, Тарасенков Виктор Тимофеевич, председатель теннисной федерации, некто Марков Евгений Степанович и двое телохранителей, есть раненые. В данный момент проводится первичный опрос свидетелей с целью выяснения обстоятельств произошедшего и установления примет возможных убийц или убийцы. Также мною лично...

– Ну и как, есть приметы? – перебил его Грязнов. – Могу подсказать: туловище круглое металлическое с характерными штриховыми делениями через каждые пять градусов, голова прямоугольная металлопластиковая, имеет существенные повреждения в результате взрыва. Вот он, красавец, полюбуйтесь! – и, отвернувшись от следователя, увлек Владимирова в сторону. – Капитан, будешь работать по этому делу до победного. Разберись в первую очередь с Хайкиным, он у нас не просто так депутат, а целый вице-спикер, насколько я понял – изрядный кусок дерьма, индюк напыщенный. Дело, конечно, твое, можешь поступать, как сочтешь нужным, но если хочешь чего-нибудь от него добиться, мой тебе совет – валяй ваньку.

Ольга Минчева. 21 июня

– Господи, за что? – бесконечно повторяла Ольга. – Почему это случилось со мной?

Она сидела, забравшись с ногами в свое любимое голубое кресло. Мягкие, обтянутые коротким мехом подлокотники, высокая, под Олин рост, спинка. Ей нравилось вот так сидеть, просматривая конспекты или отдыхая после шумной вечеринки. Неизменно появлялось ощущение комфорта и защищенности. Но сейчас. Сейчас ничто не могло заглушить чувства тоски и горького недоумения.

– Как же так? Ну почему, Господи?!

Сколько она уже вот так сидит? Час, два, три?

Уже вечер, из открытого окна потянуло прохладой.

На небольшом столике рядом – фотография в черной рамке. Последний снимок Игоря. Сделал его месяц назад корреспондент журнала «Компаньон», когда брал интервью. На ней Игорь в своем офисе, рядом с люстрой Чижевского, сдержанная улыбка, взгляд чуть в сторону. Взгляд настороженный или даже испуганный, раньше она не замечала этого. Или не хотела замечать...

Они познакомились три года назад. Она – студентка-первокурсница юридического факультета, он – преуспевающий молодой бизнесмен. Ольга всегда любила шумные компании. Как-то в декабре она с друзьями забрела во «Фламинго» на Маросейке, решили погонять шары. Погоняли. С азартом, с шуткам, с пивом. Но она тогда взялась за кий первый раз в жизни, и, естественно, руки не слушались, пальцы деревенели, удара не получалось, шары разлетались совсем не туда, куда хотелось. Это ужасно ее сердило, а друзей, более опытных, но менее азартных, веселило до слез. В конце концов она не выдержала и закричала на весь зал:

– Если найдется здесь тот, кто сможет научить меня, он не пожалеет об этом.

Все обернулись в ее сторону. А она смело обвела глазами окружающих и, наверное, в подтверждение своих слов стукнула кием об пол.

– Люблю решительных девушек. – К ней с улыбкой подошел невысокий и крепкий симпатичный мужчина. – Я – Игорь, – представился он, – и я вас научу, хватило бы ночи.

Ольга оказалась способной ученицей, но ночи, естественно, не хватило. Они встретились и на следующий вечер, и на следующий... И уже не только ради бильярда.

Господи, какое время было! Сколько любви, сколько секса, какие вечера в самых шикарных ресторанах и казино! Всегда активный, стремительный, веселый, неизменно щедрый и предупредительный, Игорь ворвался в ее жизнь, изменив все. Родители Ольгу ни о чем не спрашивали. По ее сияющему лицу и так было видно – девочка влюбилась. Когда через полгода они поженились и переехали в большую пятикомнатную квартиру, Ольге показалось, что она попала в сказку. Натяжные французские потолки с подсветкой, блестящий паркет, имитация колонн, огромные зеркала во всех комнатах. Только кабинет Игоря имел вполне офисный вид, и кухня блистала обилием бытовой техники. Но Ольге не пришлось превращаться в закоренелую домохозяйку. Чистоту в их пятикомнатном «гнездышке» поддерживала приходившая раз в неделю домработница. И каждый день к назначенному часу, обычно это было шесть часов вечера, из ресторана привозили и сервировали обед.

К двадцатилетию Игорь подарил ей новенький «рено». Водить она научилась быстро и носилась по Москве, упиваясь скоростью. А раза четыре в год они обязательно выезжали на недельку отдохнуть, то в Париж, то в Прагу, то в Рим, то в Барселону. Зимой любили Шамани, горнолыжный курорт во Французских Альпах. С каким удовольствием Ольга показывала друзьям и подругам на юрфаке альбомы фотографий из поездок!

Теперь только фотографии и остались у нее от той жизни.

Платок стал совсем мокрым, ей пришлось встать и отправиться за новым.

...В тот день, одиннадцатого июня, она проснулась рано. Прислушалась, в кабинете Игоря – тишина. Вечером накануне у них была вечеринка, но у нее разболелась голова и она ушла спать, когда гости еще не разошлись. Игорь, видимо, решил ее не беспокоить и лег в кабинете на диванчике. Ну и пусть отсыпается, решила она и поехала в университет, у нее был экзамен. Сколько раз потом она корила себя за это. Ведь могла бы зайти, просто заглянуть... Он наверняка не спал. Может, поговорили бы, просто выпили вместе кофе, и ничего бы не случилось.

Она как раз рассказывала недоверчивому профессору о том, какая статья УПК регулирует отношения между следователем и подследственным, когда в сумочке запищал сотовый. Профессор, конечно, выразил крайнее неудовольствие, но Ольга, извинившись, все-таки ответила. Звонил коммерческий директор Игоря – Сергей:

– Я сейчас за тобой заеду, – буркнул он как-то сдавленно. – Игорь умер.

Смысл услышанного дошел до нее не сразу, а потом она, кажется, потеряла сознание. Очнулась от того, что профессор кудачтал над ней, брызгая на лицо водой из стакана. В машине Сергей сказал только, что Игорь застрелился и что ей нужно поговорить с милицией.

На кухню, где это случилось, ее не пустили. Но она туда и не стремилась, воображение и так рисовало ей картины одну кошмарнее другой. Сергей рассказал худощавому лейтенанту с усталым взглядом, как он в одиннадцать утра начал вызванивать Игоря для важной встречи, как телефоны, ни домашний, ни мобильный, не отвечали, ему пришлось приехать, охранник у подъезда сказал, что слышал выстрел, вызвали участкового, тот в свою очередь вызвал, как полагается, наряд, пригласили понятых, дверь взломали и на кухне нашли Игоря с простреленной головой. Потом лейтенант пытался поговорить с Ольгой, но она едва ли понимала, о чем ее спрашивают, отвечала невнятно и невпопад. Ее оставили в покое, давая выплакаться. Когда тело увезли, появилось несколько женщин, стали убирать на кухне – оттирать кровь...

С тех пор Ольга заходила на кухню очень редко. Не хотелось ни готовить, ни есть. Чтобы хоть как-то себя поддержать, перебивалась печеньем или бутербродами с чаем. Вот и сейчас, проходя мимо кухни, Ольга подумала, что надо бы попить чаю, взяла электрочайник, налила воды, отнесла в гостиную на столик возле бара, включила в розетку, нажала кнопку. Все делала механически, а мысли снова возвращались к пережитому. Слезы опять потекли по ее лицу...

Похороны она помнила смутно. Народу пришло много: сотрудники, друзья, родственники. Все что-то говорили, утешали ее наперебой. Тетка Игоря по матери, статная дама с крашеными рыжими волосами, бывшая учительница, все рассказывала, как в детстве Игорь много и часто играл с игрушечным пистолетом, хотя она, тетя, постоянно предлагала ему вместо этого почитать книжку.

– Я была права, какое несчастье, пистолет таки сыграл в его жизни роковую роль... – И она гладила Ольгу по плечу, и они вместе плакали.

Это было десять дней назад. А сейчас Ольга все бродила по дому в поисках сухого платка и пыталась понять, что же делать дальше. Откуда-то из солнечного сплетения вверх поднималось чувство безысходности. Уже ничего не изменишь и не вернешь. Вместе с Игорем умерли все ее надежды и планы. Все, чем она владела, к чему привыкла, теперь принадлежит не ей. Это было вторым ударом, не менее болезненным, чем смерть мужа...

На следующий день после похорон пришел посыльный с повесткой к следователю.

На листке стояла дата – 15 июня. Она тогда крикнула вслед посыльному:

– А какое сегодня? – Но он то ли не услышал, то ли ответил, да слишком тихо.

Настенные и настольные календари Игорь терпеть не мог, говорил, что они портят интерьер. Вся необходимая информация находилась у него в ноутбуке. Ольга открыла тогда крышку-монитор и, прислушиваясь к тихому гудению загрузки, смотрела, как загорается мягким светом экран. 14 июня. И в тот момент она вдруг поняла, что перед ней память ее мужа, то, чем он жил последние месяцы.

Но папки были пусты, корзина очищена.

Игорь все стер перед самоубийством? Но этого не могло быть. Он возился с файлами, документами, схемами, письмами как с собственными детьми (собственно, детей завести не успели). Конечно, на следующий день Ольга спешила в прокуратуру с уверенностью, что вот сейчас она все расскажет следователю о пустой памяти компьютера, о стертых файлах и это послужит основной уликой против тех, кто убил Игоря. Она больше не хотела верить в самоубийство.

Но следователь, даже не выслушав ее, стал задавать бессмысленные, как тогда казалось, вопросы.

– Вы знали, что счета фирмы арестованы?

– Нет.

– А что квартира в залоге?

– Вы что, с ума сошли?!

– Кому продана машина?

– Я думала, она в ремонте...

В шкафу носового платка не оказалось. Ольга зашла в кабинет. Над столом ее любимая картина в широкой темной раме. Копия «Лунного света» Куинджи. Раньше Ольга с удовольствием смотрела на нее подолгу, но теперь ей этого не хотелось. Зачем? Только лишнее, болезненное напоминание о той прошлой, рухнувшей жизни. О выставках и вернисажах, по которым она могла бродить часами, о беготне по бутикам и антикварным лавкам в поисках разных мелочей в дополнение к интерьеру. Покупка старинной бронзовой статуэтки или редкого фарфора казалась ей тогда событием. А сейчас кому нужны эти статуэтки и фарфор?

На Куинджи она наткнулась в маленьком магазинчике на Арбате примерно полгода назад – искала подарок Игорю к последней годовщине свадьбы и просто не смогла оторвать глаз. Ночь, река, лес на берегу, огромная луна отражается в воде и освещает часть берега. Контраст пронзительного света лунной дорожки на поверхности реки и густого иссиня-черного мрака по краям картины поражал и как бы засасывал внутрь полотна. Может, дело было не только в контрасте, а еще и в том, что копия была больше оригинала и с гораздо большим количеством прописанных деталей. На луне были видны все до единого пятнышка, но это странным образом не лишало ее яркости. В темном лесу угадывались деревья с еще более темными листьями и под ними множество неясных теней... Короче говоря, Ольга купила картину и повесила ее в кабинете мужа над диваном.

Реакция Игоря была странной. Он молча снял Куинджи с места и перевесил на противоположную стену, так что картина теперь нависала над его рабочим столом. Потом плюхнулся в кресло и минут пять всматривался в пейзаж, словно пытаясь увидеть что-то в глубине между мазков. Ольга испугалась, она никогда не видела Игоря таким. Но он так же внезапно вдруг расхохотался, поблагодарил ее за чудесный подарок и сказал, что у него просто небольшие неприятности на работе, настолько небольшие, что о них даже говорить не стоит. О них вообще нужно забыть. И Ольга легко забыла. Все вернулось на круги своя. Ненадолго же...

Ни машины, ни квартиры. Если продать мебель, на двухкомнатную где-нибудь на окраине должно хватить. Ольга обвела взглядом кабинет. Ноутбук лучше оставить, картину назад в магазин. Денег на первое время хватит, а дальше что? Да, где же все-таки сухой платок?!

Ольга нашла его в сумочке, в прихожей. Вместе с платком выпал листок бумаги. «Глория». Точно, детективное агентство.

Ольга записала этот номер телефона в тот день, когда ходила в прокуратуру...

Новости, которые ей тогда сообщил следователь, ошаршили. Молча подписав протокол и еще что-то, она поплелась домой. Как она могла не догадываться, что фирма Игоря близка к банкротству? Ведь на ее жизни это никак не сказывалось. Правда, в последний месяц она редко ходила по магазинам и ресторанам, но это потому, что учеба требовала много времени

– сессия, сдача курсовой работы... Она брела по улице нетвердой походкой, без косметики и прически, с заплаканным, бледным лицом. На нее, наверное, оглядывались прохожие. Даже какая-то рыжая дворняга поплелась за ней следом, поскуливая. Засмотревшись на псину, рас- троганная собачьей участливостью, она тогда чуть было не столкнулась с рекламным щитом, на котором красовалась надпись:

ЧАСТНОЕ ОХРАННОЕ ПРЕДПРИЯТИЕ

«ГЛОРИЯ»

Обращайтесь – поможем

Машинально она записала номер телефона, сунула в сумочку листок и напрочь забыла об этом. Теперь же Ольга почувствовала, что именно в их помощи она и нуждается. Кто-то должен был выслушать ее. С кем-то она должна поделиться своими сомнениями и подозрениями. Они во всем разберутся, все прояснят. Они – помогут...

Вода для чая закипела, раздался громкий щелчок – чайник выключился, но Ольга уже забыла о чае. Она спешила к телефону.

Борис Соломонович Хайкин. 21 июня

Ничего не хотелось Борису Соломоновичу. Ни спать, ни есть, ни думать. Старинные напольные часы пробили семь вечера, и Борис Соломонович даже сморщился: казалось, гулкий бой часов эхом отдается в голове. Он лежал на своей огромной постели, неярко горел ночник, и в полутьме большой прохладной комнаты с занавешенными окнами воспоминания о событиях длинного прошедшего дня стали особенно отчетливыми.

Между тем верный доктор Кормильцев строго-настрога запретил Борису Соломоновичу заикливаться мыслями на расстреле, которому тот стал свидетелем. Ведь и вправду был самый настоящий сердечный приступ, да еще какой. Доктор провел у постели Хайкина не один час, исколол лекарствами с головы до пят и, не слушая никаких возражений, напоследок вколол еще и успокоительное. Из-за этого Борис Соломонович пребывал сейчас в неприятно-сонливом состоянии, а спать у него никак не получалось. Кормильцев только что ушел, уже от дверей многозначительно махнув мобильником, – дескать, чуть что, сразу звони! В доме было непривычно тихо, «человеки-горы»-телохранители передвигались едва ли не на цыпочках, из обычно шумной гостиной не доносилось ни звука... Дрема все же начала было овладевать Борисом Соломоновичем, но и тут не дано ему было счастливого забвения, поскольку, вежливо постучав (и действительно на цыпочках!), в комнату заглянул бодигард Виталик:

– Борис Соломоныч, извините! Там, в гостиной, милиция. Такой капитан Владимиров, его бросили показания снимать у свидетелей. Мы с Толиком ему уже все, что знали, рассказали, так он спрашивает, можно ли с вами поговорить. Я ему сказал, приступ у вас, а он...

– Веди его сюда, – слабым голосом, но твердо перебил Хайкин. Пожалуй, ему даже хотелось побеседовать с милицейским капитаном. С одной стороны, шевелилось в душе какое-то мазохистское желание еще раз, пусть на словах, пережить недавний кошмар, с другой – какая-то перемена в обстановке: всегда активный, Борис Соломонович в нынешнем своем «больном» состоянии чувствовал себя неуютно и нелепо до ужаса, а с третьей – что-то ему подсказывало, что надо бы держать руку на пульсе этого расследования, и почему бы не начать изнутри, скажем, с роли свидетеля.

Милицейский капитан Владимиров с неожиданными для человека его профессии, должности и цели многочисленными извинениями протиснулся в спальню мимо огромного Виталика, вежливо отворившего дверь. Борис Соломонович сел в постели, устало облокотившись на подушки. Он был неплохим актером и потому из нынешнего своего амплуа намерен был извлечь все возможные плюсы. Он заранее знал, что ему можно говорить очень медленно, неотчетливо, слабым голосом. Он готов был пропускать слова, отделяваясь страдальческими гримасами, надолго замолкать, прикладывая руку к сердцу. Он мог позволить себе «забыть» что-нибудь, «не решаться» вспоминать подробности и детали, ибо это может крайне негативно сказаться на состоянии здоровья... Словом, никакого усиленного копания в памяти и преданного заглядывания в глаза матерому сыщику.

Борис Соломонович еще не знал точно, почему не планирует быть слишком подробным и откровенным в показаниях, но, во-первых, он долгонько пожил на свете, чтобы затвердить, что с доблестными представителями следственных органов следует быть полаконичней, а во-вторых, он все-таки предчувствовал что-то такое тревожное. Интуицией же своей Борис Соломонович давно и не зря славился и привык себе доверять.

Капитан Владимиров оказался совсем не матерым. Слишком молод – лет тридцать, не более, большие удивленные глаза неопределенно-серого цвета, дурацкая извиняющаяся улыбка, одет небрежно, с виду простоват, а может, даже и туповат. В первый момент Борис Соломонович испытал некоторое разочарование: раз уж решились допрашивать больного вице-спикера, могли хотя бы прислать кого-то посolidнее и поопытнее.

По всей видимости, в элитном жилом комплексе Владимиров оказался впервые и сейчас был несколько придавлен роскошью и бесчисленными совершенствами этого райского места. С гордостью советского человека бедняга не решался особенно рассматривать всяческие уникальные детали окружающей обстановки, но взгляд его то и дело против воли останавливался на каком-нибудь пейзаже восемнадцатого века (до них Борис Соломонович был большой охотник, и коллекция его весьма высоко ценилась профессионалами), или на шелковой китайской ширме, или на расшитой поблескивающими цветами бархатной обивке кресел с гнутыми ножками. Сейчас, примостившись на стуле, заботливо подставленном верным Виталиком, капитан Владимиров положил на колени пухлый дешевой блокнот и почти робко попросил Бориса Соломоновича максимально подробно пересказать все, что произошло в Покровском-Глеbove всего каких-нибудь несколько часов назад. Борис Соломонович страдальчески прикрыл глаза (он и вправду ощутил в этот момент непритворную душевную боль, потому что в который раз отчетливо вспомнил о гибели любимой собаки) и начал, делая большие паузы:

– Гуляли с собакой... Найдой... Сзади – ребята мои, как всегда. Полчасика где-то в одной стороне двора, потом к другому краю перешли. Собаку я без поводка... У центральных ворот поздоровался с людьми. Кристина Арбатова была там, Виктор Тарасенков и еще с ними кто-то, не знаю его... Они разговаривали, я подходить не стал, поздоровались только... Тут стрельба началась, меня ребята мои – на землю, прикрыли. А потом смотрю... – Борис Соломонович горестно оборвал фразу и прикрыл глаза рукой.

Капитан Владимиров оказался, однако, довольно настырным и настойчивым, а потому своим тусклым, невыразительным голосом немедленно подхватил:

– Смотрите, и что?

– Те двое, Витя Тарасенков и другой, явно сразу погибли. Кристина чуть поодаль лежала, бедная девочка. Я к ней сразу, хотел первую помощь... Но я не специалист, а тут уже и профессионалы подоспели... Вот, не знаю теперь, видно, мне придется родителям ее звонить, мы – друзья старые... Что еще? Телохранителей их вроде бы ранили тоже. Мои ребята мне сказали, из «форда» белого стреляли, но я-то лично никакого «форда» не видел, и никто у нас тут, по-моему, на таком не ездит. В кого метили, тоже сказать не могу... Я ведь тут сразу к собаке своей поспешил, убили, мерзавцы, Найдю, чем им собака-то помешала? – Угасающей, хотя и гневной, интонацией Борис Соломонович, дал понять, что разговор его утомил (а он его действительно утомил) и повторение уже наверняка известным капитану истин очевидной пользы не имеет. Тем не менее Владимиров предпринял еще одну попытку:

– Будьте добры, расскажите, в каких отношениях вы были с пострадавшими.

– Ну, какие тут отношения? Очень хорошо знаю я Кристину Арбатову, с детства еще. С родителями ее дружен, в доме у них бываю, они ко мне иногда заходят. Милая девочка, неконфликтная, добрая, кому она помешать могла – не представляю. Конечно, случайно пострадала, бедненькая. Дальше... Тарасенков Виктор Тимофеевич, неплохо мы с ним знакомы... были. Что он сегодня у нас тут делал, в Покровском-Глеbove, представления не имею. Друзей у него здесь должно быть множество, хотя сам он в другом комплексе живет... жил. Яркий был человек, умный, энергичный. Вы о нем и сами, конечно, все знаете. Пока он в ФСБ служил, мы не особенно часто общались, а потом в Думе часто сталкивались, на мероприятиях разных, в паре проектов вместе были заняты, потом теннис он так пропагандировал... Мы, кстати, играли с ним иногда... Странно, что Ваня его так запоздал. Знаете? Такой телохранитель у него – уникал, Брюс Ли прямо, многие Виктор Тимофеичу завидовали, отдай, мол, мне защитника своего, сколько хочешь за него даю. Думцы – они ведь, как дети, все, знаете, в крепостных и помещиков играют, обслугой меняются. Но Ванечка-то Пак с Виктором еще с тех времен, с ФСБ, как же такого отдать... Не знаю, что еще могу рассказать вам, ведь мы с Виктором даже приятелями не были, хоть и встречались то и дело...

Владимиров тщательно все законспектировал в своем блокнотике и, еще шире улыбнувшись, не попрощался, а задал следующий вопрос:

– А что третий пострадавший?

– А третьего я, господин капитан...

– Давайте без «господина капитана» обойдемся, – засмутился Владимиров. – Меня зовут Андрей... Анатольевич.

– Хорошо, Андрей Анатольевич, третьего я увидел впервые, и кто это – не знаю. Если он с Виктором был – одно дело, да и по возрасту совпадает, а если при Кристиночке – другое... Что бы там ни было, но уж о нем-то ничего сказать не имею. По виду солидный вроде бы человек, лицо значительное, одет прекрасно... Нет, скорее, с Виктор Тимофеевичем был он, а к Кристине они просто поболтать подошли, я так думаю. – Тут Борис Соломонович вновь скривился и прижал руку к сердцу. Капитан Владимиров даже приподнялся было со стула, видя, что даже героизму Бориса Соломоновича есть предел, но тут уже Хайкин остановил его цепким вопросом:

– Вы меня простите, я ведь под лекарствами сейчас, поэтому не очень быстро соображаю. Скажите, поймали убийц по горячим следам?

Владимиров, как и следовало ожидать, насупился и выдавил из себя почти односложное:

– Да нет пока...

– Ну, а подозреваемые, фоторобот?...

Капитан замялся, видимо соображая, как бы помягче признаться, что милиция наша в очередной раз облажалась и никаких перспектив у следствия нет и не будет. А он, Владимиров, просто должен отчет предоставить: мол, поговорил со всеми, с кем надо, а дальше пусть с этими отчетами следователь хоть к прокурору идет, хоть в отхожее место.

Положение капитана спас Виталик, осторожно вдвинувшийся в комнату с накрыватным подносом, на котором стояла чашка травяного отвара для Бориса Соломоновича, маленькая рюмочка с какой-то сложной микстурой и сладкий сухарик, чтобы эту микстуру заесть. Для капитана Владимирова на подносе не было ничего, сознательно пренебрегая вежливостью, ему даже не задали стандартного вопроса, будет ли он чай или кофе. Впрочем, Борис Соломонович остановил его, вскочившего прощаться, другим более важным вопросом:

– Андрей Анатольевич, а Найду, собаку мою, когда можно будет забрать? – Он в который раз только что ощутил потерю любимицы, которую давно привык воспринимать как нечто вечное и незыблемое. Вот и сейчас: когда в спальню вошел телохранитель, Борис Соломонович непроизвольно бросил взгляд за его спину, ожидая увидеть там свою изящную поджарую красавицу, которая обычно именно так, вслед за кем-то из домашних, проникала в спальню хозяина. Но ее не было. – Ей будут делать вскрытие?

Здесь уж капитан Владимиров с облегчением дал исчерпывающий ответ. Вскрытие – чисто формальная процедура, нужно извлечь пули и убедиться, что они выпущены из того же автомата, что и остальные, забрать собаку можно буквально завтра, вот по этому телефону позвонить, а по этому адресу после этого подъехать. И надо бы, конечно, собаку похоронить, такая породистая, такая красивая, он, Владимиров, и сам собаку держит вот уж восемь лет, так что чувства Бориса Соломоновича вполне понимает. Он даже специально попросит, чтобы при вскрытии внешнему облику Найды нанесли минимальный ущерб...

На этом Борис Соломонович усталым взмахом руки и слабым «спасибо, спасибо, капитан» прервал поток излияний нежданно расковавшегося милиционера и тем самым явственно дал ему понять, что аудиенция окончена. Тут же за спиной Владимирова замаячил верный Виталик (последние часы Виталик был собою явно горд, ибо, в отличие от захваленного тарасенковского корейца Вани Пака, своего хозяина защитил и профпригодность доказал). Дверь спальни мягко закрылась, Борис Соломонович устало вздохнул, прокрутил в памяти разговор и убедился, что ничего лишнего вроде бы не сказал (знать бы еще, что в этой ситуации – лиш-

нее?), но и ничего нового не выяснил. Теряется сноровка, раньше любого собеседника мог разговорить, каких-то пару недель назад этот капитан ему все следственные версии выложил бы, а тут... «Старею, что ли?» – подумал Борис Соломонович. Но, подумав, решил отнести разочарование на счет сегодняшних потрясений, последствий лекарственной терапии, шока от гибели Найды... С тем он наконец и провалился в сон, и последней мыслью перед тем было: «Ох, выпить бы сейчас за помин души Найдиной», – и даже запотевшая рюмочка водки представилась Борису Соломоновичу, и никакие молоточки за грудиной больше не казались ему причиной для отказа себе в алкогольном снятии стресса...

Старший советник юстиции Штур. 22 июня

Сияясь перебороть раздражение, Вениамин Аркадьевич Штур пытался вникнуть в суть переданного к его производству дела. Содержание ускользало от него. Только после второго прочтения мысли его переключились на фразу из рапорта с места убийства «...от большого количества огнестрельных ранений на месте скончались Е. С. Марков, В. Т. Тарасенков, А. А. Рыбкин и Н. К. Осокин; госпитализированы в тяжелом состоянии К. Л. Арбатова и И. К. Пак. Из документов, изъятых у убитых, и свидетельских показаний следует: Марков Е. С. являлся владельцем сети пивоваренных заводов, в том числе и московского пивзавода „Яуза“, В. Т. Тарасенков – генерал ФСБ в отставке, председатель Всероссийской теннисной федерации, К. Л. Арбатова – певица, Рыбкин, Пак, Осокин – телохранители соответственно Маркова, Тарасенкова, Арбатовой».

– Вот оно что! Конечно! Убиты и тяжело ранены «видные» люди. Как тут простому следователю дело поручить! Необходим старший следователь по особо важным делам, – вновь завелся Вениамин Аркадьевич. Однако, поймав себя на том, что последние слова произносит вслух, достал из ящика стола пепельницу, пачку папирос и спички и, размяв машинальным движением папиросу, закурил.

Дымить старший советник юстиции пытался бросить много раз, но все безрезультатно – продержавшись два-три месяца, при очередном «кризисе» не выдерживал. А ведь еще вчера ничто не предвещало неприятностей. Штур работал над единственным делом. Правда, первоначально оно казалось сложным и запутанным, но теперь уже были выяснены все принципиальные вопросы. И вот сегодня к девяти утра его вызвали к Самому – так Вениамин Аркадьевич про себя величал прокурора Москвы Гигантова.

– Дело, над которым вы работаете, в принципе завершено, дальше с ним справится Керюхин, – произнося это, Гигантов сделал ударение на слове «завершено», из чего Штур сделал вывод: расставить в этом деле все точки над "и" ему не дадут. Для него – человека дотошного и принципиального, старающегося все доводить до логического конца, это было малоприятным сюрпризом. То ли это как-то отразилось на лице, то ли Гигантов, зная не первый год своего любимого следователя, почувствовал неприятие, но, так или иначе, он добавил: – Справится, а я лично проконтролирую. Вам же следует полностью сосредоточиться на расследовании убийств в элитном комплексе «Покровское-Глебово».

Исповедуя мудрость «не проси без необходимости, тогда в нужный момент не откажут», препираться Вениамин Аркадьевич не стал, но дальше слушал со все убывающим вниманием и все увеличивающимся раздражением.

– Убийства совершены с привлечением, как наверняка напишут в газетах, устройства высоких технологий. А это сейчас модно. Помести в заголовке «робот-киллер» – и вниманием толпы обеспечен. От газетчиков теперь отбоя не будет, а как следствие, и от внимания руководства. Руководству же нужно постоянное продвижение в расследовании...

Первый шаг на этом пути вы уже сделали, подумал Штур, будет чем отчитаться: «Следствие поручено многоопытному следователю, двадцать пять лет проработавшему в городской прокуратуре».

...После второй подряд выкуренной папиросы возникло ощущение легкого головокружения и усталости, а раздражение отошло на задний план. Можно было приступить к работе. Из результатов опросов очевидцев и мероприятий по установлению личности вырисовывалась следующая картина. Горячий поклонник эстрадных талантов Арбатовой, Марков случайно повстречался с певицей невдалеке от ее парадного подъезда. Рассыпаясь в любезностях, он сопровождал ее несколько метров, после чего к их компании присоединился президент Все-

российской теннисной ассоциации Тарасенков. Через несколько минут после этого грянули выстрелы.

– «Несколько минут»! Чудная формулировка для рапорта! – возмутился Штур. – Несколько – это две минуты или сорок?! Не удосужились выяснить, так надо честно в этом признаться: через неустановленный, мол, промежуток времени, а если выяснили интервал, тоже, между прочим, могли бы не полениться, а так и написать. Совсем работать разучились.

Вениамин Аркадьевич заглянул на последнюю страницу рапорта. Подписан муровским капитаном Владимировым. Эта фамилия Штуру ничего не говорила, но работник этот Владимир аховый – сразу видно.

– Где ты, старая гвардия?! – ностальгически вздохнул Штур и, размяв новую папиросу, заставил себя вернуться к сочинению Владимирова. Хоть и никудышное сочинение, но, как ни прискорбно, обзорная справка дежурного следователя прокуратуры, выезжавшего с бригадой на место, была еще хуже.

Из собранных данных вытекало, что встреча потерпевших была совершенно случайной, никто из них заранее о ней не предполагал. Арбатова проживает в данном жилом комплексе и попросту вышла из квартиры с намерением сходить на пляж. Марков приехал на деловые переговоры (проходившие в бизнес-центре, входящем в состав комплекса), по завершении которых и наткнулся на Арбатову. Тарасенков направлялся в яхт-клуб для встречи с людьми, изъявившими желание оказать посильную помощь «Фонду развития тенниса в России», и остановился поздороваться с Арбатовой и Марковым. Получалось так, что, не выйди певица из дому, не было бы и ее встречи с Марковым, а задержись последний на переговорах, Арбатова ушла бы на пляж. Аналогично ситуация обстояла и в отношении президента ВТА. Таким образом, складывалось впечатление, что их встречу трудно было предугадать заранее. С другой стороны, огонь из машины велся на редкость прицельно: четверо убитых и двое тяжелораненых, промахов почти не было. До того момента, как вместе собрались Арбатова, Марков и Тарасенков, мимо автомобиля не раз проходили местные жители и по ним стрельба не велась. Так что же, случайность встречи – это отговорка для следствия, а на самом деле встреча была спланирована и убийца об этом знал?

«Случайным ли является то, что пальба началась после того, как вся „компания“ оказалась в сборе?» – записал на чистом листке Штур и трижды подчеркнул «случайным». Из материала дела следовало, что других событий между соединением потерпевших и началом стрельбы не было. Но действительно их не было или просто этот Владимиров сработал спустя рукава и ничего не выяснил, пока не понятно.

С жертвами как будто все. Почувствовав, что в голове наступает переполнение, Вениамин Аркадьевич захлопнул папку с делом, включил электрический чайник, медленно прошелся по кабинету, стараясь ни о чем не думать, позволяя информации спокойно улечься в памяти. Неспешно заварил чай. Медленно с удовольствием выпил, стоя у окна и свысока глядя на суету улицы. Голова снова стала свежей и готовой к работе. Н-да, не то что нынешние молодые, все бегом, все бегом, на бегу едят, на бегу курят, за десять дел одновременно хватаются, а результат? А результата-то и нет – одна скорость. Только кому она, спрашивается, нужна?

– Теперь, стало быть, проясним убийцу. – Штур вернулся к собранным материалам. – Впрочем, убийцы-то как такового и не было. А был, как окрестил его Гигантов, «робот-киллер», или, говоря проще, самострел с программным управлением, установленный в белом «форде».

Результатов технической экспертизы этого «терминатора», конечно, не было, и ждать их придется не меньше недели. А о «форде» по горячим следам кое-что выяснили. Хотя это «кое-что» было очень похоже на «ничего»:

«Начальник охраны комплекса Белов утверждает, что машина была оставлена заранее, предположительно между четырьмя и пятью часами утра, т. е. за 11-12 часов до убийства. Никто не видел, кто ее оставил. Никто не видел, как она приехала».

Штур достал карту Северо-Западного административного округа Москвы. На карте было видно, что территория комплекса «Покровское-Глебово» граничит с Химкинским водохранилищем, каналом им. Москвы и рекой Химка, рядом – американская деревня Покровские Холмы и Волоколамское шоссе, на юге – лесопарк Покровское-Стрешнево. Внутри самого комплекса Штур не бывал, однако из телерепортажей и газет знал, что это не обычный жилой массив, а, скорее, русская (или новорусская) дворцовая усадьба в стиле восемнадцатого века, якобы построенная по всем канонам дворцового строительства. Но тот факт, что один квадратный метр жилплощади в этих хоромах стоил всего-то 2,5 тысячи долларов (об этом, совершенно не стесняясь, информировали многочисленные рекламные плакаты по всей Москве), отбил у Вениамина Аркадьевича всякую охоту как-нибудь в выходной съездить полюбоваться на сие творение современных Растрелли.

Долистав тонкую пока папку с делом и убедившись, что ничего из нее больше не выжать, он позвонил в МУР и, объяснив, кто он, попросил Владимирова. Ждать пришлось двенадцать минут (Вениамин Аркадьевич специально засекал время), а голос у наконец взявшего трубку капитана был нормальный и дыхание ровное, значит, не торопился. Штур еще раз с прискорбием вздохнул о современной молодежи: никакого уважения к старшим, ни по возрасту, ни по званию.

– Я ознакомился с переданными материалами дела, – начал Вениамин Аркадьевич, не стараясь особо скрывать раздражение. – Естественно, у меня возникли вопросы. Выяснили наконец, как «форд» попал на территорию комплекса?

– Нет. Мы даже опросили посты ГАИ на Волоколамском шоссе – безрезультатно. Эти ребята хорошо ориентируются в том, где и когда они могут проехать незамеченными...

Штура покорило от владимировского «даже», капитан, казалось, ждет если не медали, то уж точно письменной благодарности за «героический подвиг» – разговор с коллегами из ГИБДД, и фамильярное «ребята» по отношению к преступникам Штуру тоже не понравилось, но одергивать муровца он не стал, дал договорить.

– И парковые окрестности мы осмотрели на предмет, можно ли там проехать. Но опять же безрезультатно. Хотя этого и следовало ожидать – на колесах не было следов того, что машина шла по грунтовой дороге или бездорожью. Да и вообще подъехать со стороны лесопарка трудно. А вот владельца машины товарищи из ГАИ нашли – некто Ярцев, живет в районе Речного вокзала. В данный момент он в отпуске, отдыхает в Крымской Ялте. Послали телеграмму. Но думаю, окажется, что машина была угнана.

– Окажется или не окажется, но все проверить следует тщательно. Что еще успели найти?

– Вчера вечером опрашивали свидетелей. От МУРа по этому делу работают еще двое оперуполномоченных: Евгений Пospelов и Сергей Вулих. Сегодня я разговаривал с родственниками Арбатовой...

– Так почему же в деле нет протоколов? – недоумевающе воскликнул Штур.

– Ну, во-первых, я просто не успел оформить, – совершенно не смутившись, ответил Владимирова, – а во-вторых, никто ничего существенного все равно не сказал.

– Что существенно, а что нет, позвольте решать мне, – рявкнул Вениамин Аркадьевич, уже не в силах больше переносить бестолковость и безалаберность капитана. – У вас ровно час на оформление протоколов. Через час жду вас, всех троих, в своем кабинете для согласования плана оперативно-следственных мероприятий. Все.

Владимиров пытался что-то возразить, но Штур сознательно не стал слушать и положил трубку. Ну и как после этого работать?! Все делать самому? И это МУР, где собраны лучшие

из лучших. Что уж говорить об остальной доблестной милиции? Если не воры и взяточники, так недоумки, растяпы и лоботрясы.

Вениамин Аркадьевич немного успокоился и рапорт Гигантову с жалобой на руководство МУРа решил пока не писать. Может, и нет смысла менять шило на мыло. Пока разберутся, пока отстранят Владимирову и остальных, пока дадут другого (может, еще более бестолкового), дело будет стоять. Ничего, прорвемся. Не первый день в таких условиях работаем, не привыкать. И выход, конечно, есть: поручить муровцам только «ножную» работу, исключаящую всякую необходимость проявления инициативы, и распределить мероприятия так, чтобы протоколы допросов и иные следственные документы без всяких задержек попадали в дело. Главное – добиться максимально возможной точности и аккуратности (если такие работники вообще знакомы с понятиями «точность» и «аккуратность») в оформлении документов, а уж он, конечно, все проанализирует, сделает выводы, скорректирует дальнейшие планы, и в конце концов дело будет раскрыто.

Он успел перекусить принесенными из дома бутербродами, выпить чаю, привести в порядок стол, набросал предварительный план следствия, закурил, поглядывая на часы. Час прошел, Владимирову не было. Вениамин Аркадьевич отпустил капитану еще десять минут на транспортные проблемы, но и через час десять тот не появился. Через час двадцать Штур начал понемногу закипать и, когда через час сорок раздался стук в дверь, рявкнул: «Войдите!» – так, что задрожали стены.

– Здравствуйте, моя фамилия Владимиров.

Вениамин Аркадьевич был на грани нервного срыва – этот наглец даже не извинился за опоздание! Хамы! Молодым везде у нас дорога! А старикам?! О почете никто уже и не заикается, но где хотя бы элементарное уважение?

– Где остальные? – как можно суше справился Вениамин Аркадьевич, в упор разглядывая капитана. Молод, даже слишком молод – лет тридцать, не больше, крепыш – наверняка, вместо того чтобы почитать книжку в свободное время, таскает штангу или машет ногами в спортзале. Одет небрежно, костюм выглядит, как будто он в нем спит, галстук с рубашкой совершенно не сочетается. И туп, определенно непроходимо туп, с первого взгляда видно. Портфель наверняка одолжил у кого-нибудь для солидности, а на самом деле таскает мятые бумажки просто в карманах.

– В командировках. Есть первые данные на пивовара Маркова. Он был судим, и потому сведения о нем имеются в первом спецотделе МВД. Выяснили, что в столице он в принципе не жил, то есть проводил достаточно большое количество времени, поскольку владел здесь пивоваренными заводами, но дом у него в Нижнем Новгороде, а в последнее время его деловые интересы переместились скорее в Ростов. Совместно с руководством МУРа было принято решение направить в Нижний Новгород и Ростов по оперативному работнику, соответственно Пospelова и Вулиха. А побеседовать с его московскими подчиненными я собирался сегодня-завтра, не возражаете?

– Не возражаю, – буркнул Вениамин Аркадьевич. – Продолжайте.

– Вот протоколы допросов свидетелей с места происшествия: депутата Хайкина, его телохранителей, гувернантки, которая, правда, была в шоке от увиденного и мало что смогла рассказать...

– Чьей гувернантки, – перебил Штур, – Хайкина или его телохранителей? Выразайтесь яснее, пожалуйста.

– Гувернантка была с девочкой, никакого отношения к Хайкину не имеющей. Фамилию девочки я указал в рапорте, – невозмутимо ответил Владимиров. – Кроме того, опрашивал и родителей Арбатовой, выяснил, с кем она ближе всего контактировала по работе – это ее менеджер Вешенка и автор – Дубров. С ними я еще не встречался. – Капитан покосился на пепельницу на столе и, не спросив разрешения, закурил. – Тарасенков – фигура, по-моему,

самая значительная, но пока о нем ничего узнать не успели, если, конечно, не считать того, что и так всем известно. Телохранителей я тоже пока не отработывал, хотя даже предполагать смешно, что мишенью был кто-то из них. Если бы их хотели убрать...

– Довольно предположений, – оборвал Штур. – Какие на данный момент сложились рабочие версии?

– Ну, если в общих чертах, я думаю, стреляли в кого-то одного из потерпевших. Наверное, не в Арбатову, поскольку она живет в Покровском-Глеbove и есть не опровергнутое пока ничем предположение, что она и раньше проходила мимо этого «форда». Если, конечно, автомат не был запрограммирован на конкретное время. И, скорее всего, не в Маркова – он, если бы не подошел к Арбатовой, не оказался бы в зоне стрельбы. Получается, что в Тарасенкова, хотя и тут нет уверенности, что он двигался строго запланированным маршрутом в строго определенное время. Есть и еще одна неувязочка. Была же еще одна жертва – собака Хайкина, которая бросилась на Арбатову как раз перед тем, как началась пальба. Может, это ее резкие движения спровоцировали автомат? Ну, я хотел сказать, в компьютере мог произойти какой-то сбой...

От такого обилия невнятных, непродуманных, безосновательных версий у Вениамина Аркадьевича просто голова пошла кругом.

– Может, вы еще бабочек сюда приплетете? – возмущенно воскликнул он. – Бабочка села на кончик ствола и спровоцировала стрельбу – звучит не менее стройно и правдоподобно. И вообще, у вас получается, что организатор убийств действовал наобум. Только предполагая, где и когда появятся его жертвы. А он должен был знать наверняка. И знал. А мы должны узнать, откуда он знал. Более того, хочу вам напомнить: раскрытие преступления включает в себя не только выяснение того, была ли у убийцы возможность его совершить, но и установление мотива. И в данном случае – это первоочередная задача.

Вениамин Аркадьевич перевел дыхание. Ох и нелегкая это работа – втолковывать прописные истины. Чему только их учат?!

– Выяснили, сколько времени прошло с момента воссоединения компании потерпевших до начала стрельбы?

– Три – пять минут, точнее никто сказать не может.

– И в эти три – пять минут что-нибудь происходило с жертвами или вокруг них?

– Я просмотрел видеозапись с камеры слежения, установленной примерно в ста метрах от места убийства...

– Что? – Вениамин Аркадьевич подумал, что он ослышался. Имеется, оказывается, такая улика, а капитан до сих пор не удосужился о ней упомянуть. – Почему я узнаю об этом только сейчас?

– Дело в том, что камера была нестатичной, она поворачивалась, описывая угол в 120 градусов, и поэтому потерпевшие были в кадре не все время. Камера фиксировала их, только находясь в своем крайнем левом положении, и из того, что видно на записи, нельзя однозначно выяснить ни точное время между встречей и выстрелами, ни имели ли место какие-то события или факты, спровоцировавшие стрельбу. А «форд» вообще находился в «мертвой зоне», и его на пленке нет.

– Но почему я до сих пор не видел этого материала?

– Кассета у экспертов. Они должны проверить, не испорчена ли запись, и обещали сделать для вас копию. Но, видимо, пока не сделали. А из свидетельских показаний следует, что между встречей и выстрелами все-таки ничего странного не происходило. Гувернантка гуляла с девочкой, и Хайкин появился с собакой и телохранителями, но он был слишком далеко и в стороне, а автомат в том направлении даже не поворачивался. Я вот что думаю, возможно, когда жертвы остановились, компьютеру просто понадобилось некоторое время, чтобы зафиксировать цель, навестись, опустить стекло в машине...

– Хватит, – прервал Штур. – Я сыт по горло вашими домыслами. Нужно ли было время автомату или не нужно было, покажет экспертиза, и от вашего мнения ее результаты не зависят.

– Но экспертизу обещали не раньше, чем дней через пять... – попытался возразить капитан.

– Правильно, значит, будем работать, не дожидаясь манны небесной от экспертов. Поскольку вы включены в мою группу – с вашим начальством договорено, – работайте по моему плану. Еще раз допросите всех на территории комплекса, особенно тех, кто так или иначе связан с охраной, проверьте окружение Тарасенкова, особенно на предмет общедоступности его рабочего графика, и, конечно, съездите на завод Маркова. Я постараюсь встретиться с Паком и Арбатовой. А сейчас обзвоните, пожалуйста, Вешенку и Дуброва и попросите подъехать сюда сегодня же в удобное для них время.

Пока Владимиров висел на телефоне, Вениамин Аркадьевич просмотрел протоколы. Приходилось признать, что сделано не так уж мало. Но конечно, работа велась совершенно бессистемно. Зачем было тратить драгоценное время на родителей Арбатовой, которые никуда бы не делись, чтобы потом его не хватило на качественный допрос охраны и администрации «Покровского-Глебова». Да и допрос Хайкина какой-то бесхребетный...

– Вениамин Аркадьевич, – прервал его размышления Владимиров, – Дубров будет в четыре, а у Вешенки сегодня все расписано по минутам, и он, может быть, сможет подъехать завтра во второй половине дня.

– Хорошо, вас я больше не задерживаю. Но о результатах своей деятельности прошу сообщать мне хотя бы два-три раза в день и рапорты или обзорные справки передавать вовремя.

Денис Грязнов. 22 июня

Люди, как известно, отправляются на рыбалку с самыми разными намерениями. Когда дядя и Турецкий приглашали Дениса, он обычно легко давал себя уговорить: во-первых, не так уж часто удавалось им выбраться, а во-вторых, эти попойки на свежем воздухе его не тяготили – старая гвардия что-что, а пить умела. Сегодня же он согласился лишь по одной причине: испробовать новый рецепт ухи, и с одним условием: не полагаться на удачу и всем необходимым, рыбой в первую голову, запастись заранее. А там можно и порыбачить, почему нет.

Началось все с нервотрепки: достойного трехкилограммового сомика и шевелящихся еще (хотя и слабо уже) раков удалось купить, только когда свернули с трассы к Клязьминскому водохранилищу, при въезде в Новоалександровку, до того попадалось черт его знает что. Потом Денис на правах «молодого» возился с костром, с сырым по неизвестной причине, видимо от ночной росы, хворостом, а старички грелись водочкой и принимать участие в кулинарном действе отказывались, только подгоняли. В итоге, когда он разжег огонь, вскипятил воду в котелке, нарезал лук, изрубил морковь, они уговорили бутылку и были уже теплыми, зато раки оцепенели. Турецкий ткнул тлеющим с одного конца прутиком в брюхо самому матерому, но тому было уже все равно.

– Анекдот! – с пафосом произнес Турецкий. – Звонок в реанимацию: пациент жив еще?

– Нет еще! – проворчал Грязнов-старший. – Выпили по двести пятьдесят, а ты уже старые анекдоты травишь, это – маразм, Александр Борисович! – Он раздул щеки и, стараясь подражать левитановским интонациям, пророкотал: – Следователь по особо важным делам Турецкий, Генпрокуратура России. Позо-о-ор!

Раки тем временем благополучно сварились. Денис выплеснул воду, подтащил к огню кирпичи, пристроил на них сковородку, забросил лук с морковью, ухнул, не жалея, сливочного масла и обратился к старичкам:

– Дядь Слав, Александр Борисович! Давайте членистоногих чистить, а то овощи сгорят.

– Вовремя снимешь – не сгорят, – резонно возразил Грязнов-старший, разливая себе и Турецкому из следующей бутылки. – Ну, глубокоуважаемый Александр Борисович, за восстановление спортивной формы! Ты пока в командировке по своим хантам и мансям разъезжал, цивилизованные манеры утратил напрочь. Сам же всю дорогу расписывал, как на буровых на ночь останавливался. Небось чайком там пробавлялся?

– Я?! – возмутился Турецкий. – Чайком?! – Ты послушай...

– Потом изложишь, ладно? Под уху. Чтоб Денис тоже ничего не пропустил. А сейчас я тебе расскажу про технические чудеса двадцать первого века. Для начала слушай предысторию. Год назад произошло выдающееся событие: наше большое начальство решило посоветоваться с народом, и конкретно с Вячеславом Ивановичем Грязновым, по вопросу о создании в рамках МВД специального подразделения для расследования преступлений в интеллектуальной сфере и совершенных с применением высоких технологий.

– Было такое совещание, помню, – кивнул Турецкий.

– Нет, это я помню! Тебя там не было, господин генерал от юстиции.

– О! О! О! – Турецкий отобрал бутылку и доразлил сам, не пропустив наконец и Дениса. А Денис как раз, наспех управившись с раками, разделявал сома на шесть равных частей – каждому по две.

– Короче говоря, я высказался однозначно «за», потому что был уже десяток, как минимум, случаев, когда мы лаптем щи хлебали. Естественно. Отстали в умственном развитии от криминального мира, только глазами лупали, что они, гады, творят!

– А ты однозначно с трибуны высказывался или в кулуарах, а? – вставил Турецкий с подковыркой.

– Какая, на фиг, разница?! – обозлился Грязнов.

– Да никакой, на фиг, разницы, просто интересно: ты судьбы державы публично вершишь или исподтишка?

– Ну и зануда ты, Александр Борисович!

– Ладно, ознакамливался я с этим вашим совершенно секретным приказом, про создание при МВД подразделения "Р". Начальник там некто Селиванов, если я правильно помню. Давай уже к делу переходи. А то, главное, – Турецкий обернулся к Денису, как бы призывая его в свидетели, – меня в маразме обвиняет, а сам забыл уже, о чем рассказать хотел!

Но Денису было не до того: костер у него почти затух, лук с морковью жариться не желали, он интенсивно размахивал газетой, помогая сырому хворосту разгореться, отчего пепел поднимался столбом, оседая и на раков, и на рыбу, и в сковородку. Толку все равно было мало, пришлось раздувать огонь до потемнения в глазах, так что на несколько минут он потерял нить беседы. Когда он в очередной раз отдышался, Грязнов-старший, разводя руками, как заправский рыбак, расписывал Турецкому «робота-киллера», по его собственному выражению:

– Это, Саня, не Голливуд тебе! Есть фильм такой, «Шакал», Уиллис – ирландский террорист, Гир – тоже, но ему пообещали срок скостить, поэтому он за наших. У Уиллиса супер-пуперный пулемет с телекамерой и радиоуправлением, он сидит за километр, видит все на мониторе и мышкой наводит на цель. Смотрел?

– У-у-у, – неопределенно промычал Турецкий.

– А тут вообще, понимаешь, стрелка нет! Компьютер, «калашников» – и все! «Терминатор», мать его, слава Богу, ходить еще не научился. Скоро научится, и тогда полная задница, Саня: робокопа – на работу, нас с тобой коленом под зад – на пенсию. Нет, ну это ж надо, а?! Русский блокбастер, мать его! Ни на каком, на хрен, ни на экране, прямо под окнами!

– Ну, положим, не под нашими окнами, – философски заметил Турецкий, – мы с тобой пока в Покровском-Глеbove не живем и переезжать не собираемся.

– Важен прецедент! – столь же философски возразил Грязнов. – Но это тоже, на самом деле, только присказка. Дальше – совсем интересно. Наш робот завалил четверых гомо сапиенсов и собаку. Собака, кстати, вице-спикера Хайкина. А среди погибших небезызвестный товарищ генерал в отставке Тарасенков Виктор Тимофеевич. Вроде фээсбэшникам все карты в руки: ваш человек, вы и расследуйте. Но ни фига подобного! Товарищи в штатском сразу свои шаловливые ручки в брючки. Мы тут ни при чем. Понимаешь?! Клиническому дебилу ж ясно, кто у нас в стране такими игрушками балуется. Да еще на своем и испытали. Но у них, значит, настолько все шито-крыто, что даже замять дело собственными силами не хотят. Пожалуйста! Ищите! Ну, понял теперь, к чему я веду? Дело-то по своим масштабам достойно быть принятым к производству Генеральной прокуратурой. И дело, заметь, высокодерьмовое, это видно невооруженным глазом. Таким образом, оно неизбежно попадет к горячо всеми нами любимому... и уважаемому...

– Вот за него и выпьем! – подытожил Турецкий. – За то, чтоб это дерьмовое дело прошло мимо, хватит с него труб. И за то, чтобы мы уху сегодня попробовали до того, как начнется белая горячка (костер к этому моменту погас решительно). Иначе потом не вспомним, какая она была.

Денис выгреб из костра, к чертовой матери, дымящиеся веточки и, вооружившись топором, отправился за дровами посерьезнее. А когда вернулся, выяснилось, что начало истории про трубы, специально для него предназначавшейся, он пропустил – Турецкий таки не выдержал, начал, не дождавшись кворума. Дядя незаметно, так ему, наверное, показалось, подмигнул Денису: мол, ничего страшного, пьян он, сто раз повторится.

– ...сто километров! – кричал вошедший в раж Турецкий. – Нет, ты представь себе: сто километров труб! Почти метр диаметром. И спрятать их негде. Леса там нет, понимаешь? И

пункта приема вторсырья нет, и металлургического завода нет. Тундра! Ну да, болота, конечно. Но они мелкие, во-первых. Во-вторых, их все проверили металлоискателями – нет труб!

– На тысячу километров по тундре обыскали все болота?! – возмутился Грязнов-старший. – Хорош заливать!

– Слава, мы же не иголку искали. Три тысячи тонн железа! Когда к трубопроводу подлетаешь, он еще за горизонтом, а прибор уже зашкаливает. Потом на вертолете такую грудку металлолома за год не перевезешь. На железнодорожной станции все перегружено на гусеничные тягачи. Документы в полном порядке. И еще полсотни свидетелей подтверждают: все так и было. Тягач оставляет в тундре след, который за два года не зарастет, там же бурьяна по пояс нет – мох, сантиметр – уже высокий. Я все проверил, десять раз на вертолете облетел. Не сворачивали они никуда по дороге, понимаешь? Не сво-ра-чи-ва-ли! И обратно эти трубы чертовы в вагоны не загружали, чтоб назад по железке отправить, и в полости от выработанных скважин не прятали: я под конец уже и такие версии на полном серьезе проверял. Ну, нет этих труб нигде, хоть тресни! Испарились! Но и это, как ты изволил выразиться, только присказка. Сказка – это люди. Вахтовики. Вахта официально три недели, они торчат в тундре по полгода, косят деньгу. Деньги за такую работенку по московским меркам смешные, но москвичей, как ты понимаешь, там нет. Кругом свои да наши, в общем, мафия. Человека со стороны не пустят на пушечный выстрел ни на какую должность. Будешь наниматься нужники бесплатно чистить – не возьмут, найдут тысячу и один предлог. А главное – круговая порука. Немей партизан в сто раз, можешь себе такое представить?! Бред какой-то. Зэков из бура в зоне особого режима проще разговорить. Короче, я допросил больше двухсот человек, и ни один! Слава, ни один!!! Ни слова, ни малейшей зацепки, ничего! Продолбился две недели – без толку. Прямой ущерб бюджету на двести пятьдесят миллионов зеленых денег, а крайних нет, одни стрелочники. Вот это фокус. Покруче твоего «робота-киллера».

– Это не фокус, Саша, это – жопа! – сказал Грязнов, смакуя каждое слово. – Давай подставляй тару, заканчиваем вторую, надоела. Денис! Будет сегодня уха?!

– Будет, будет, – заверил Денис, помешивая овощи на сковородке, – только третью не начинайте, потерпите десять минут!

Грязнов-старший все-таки взял третью, но не открыл, стал придирчиво изучать этикетку, пробку, качество закупорки, выражая нетерпение всем своим видом, поминутно покачивая головой и приговаривая:

– Ой, поспеши! Ой, а то не дотерпим! – и, чтобы убить время, поинтересовался: – Саня, а почему двести пятьдесят миллионов? Золотые у тебя трубы, что ли?

Турецкий, уже начавший понемногу впадать в прострацию, оживился:

– Не-е-е! Стоимость труб в эти двести пятьдесят не входит. Это только неустойка за сорванный контракт. Причем сроки строительства нефтепровода сорвала частная фирма – «Бен Ойл», принадлежащая некоему господину Христичу. Но штраф, представь себе, выплачивается целиком из государственного кармана! Поскольку контракт заключен под гарантии государства. Круто, да? Христич, он у нас как бы олигарх, но второго эшелона. Миллиард пока не сколотил, по ящику не светится, но связи на зависть любому березовскому: полправительства и полдумы – лучшие друзья...

– Пятиминутная готовность! – объявил Денис. Лук с морковью изжарились, он выложил их в котелок, залил молоком, забросил туда рыбу, раков, зелень и тертый сыр «Чеддер». – Закипит, и можно наваливаться!

– А потом рыбку половим! – страшно зевая, протянул Турецкий, заваливаясь на бок в опасной близости от огня.

Отреагировать должным образом Денис не успел: дико заверещал мобильник, настроенный на максимальную громкость для езды по проселочным дорогам, за суетой вернуть ему нормальный голос он забыл.

- Эй, начальник! – Это был Щербак.
- У аппарата! – прокричал в отместку Денис так, чтобы у того тоже зазвенело в ухе.
- Локальная катастрофа, – пояснил Щербак на три тона тише, – зовут Ольга, фамилия Минчева. На вид – конфетка, глаза большие красные, на мокром месте. Похоже, уже несколько суток.
- Представил. Проблема в чем?
- Цитирую: «Ой! Ой! Срочно-срочно! Срочно-срочно-срочно! Дело не терпит отлагательств. Говорить буду только с главным начальником». А я и сам с ней говорить не хочу, хочу в отпуск!!! Чем я хуже Татьяны или Самохи?!
- Нить кончай. Что она делает, полчаса потерпеть может?
- Не может. Сидит в приемной, ломает руки и поскуливает. Если не приедешь через двадцать минут – усопнет, сто процентов. Руки точно сломает.
- Ладно, молоко вскипячу – и выезжаю.
- Щербак сдавленно захихикал в трубку:
- Как, даже манной каши не попробуешь?

В. А. Штур. 22 июня

В больнице Штуру сообщили, что состояние Арбатовой не вызывает опасений, но она еще в шоке, и ему разрешат встретиться с ней не ранее чем завтра. А Пак пока в реанимации, и предсказать, когда он будет готов к разговору со следователем, врачи не берутся. К такому повороту событий Штур в принципе был готов – звонил, чтобы убедиться. До прихода Дуброва оставалось почти два часа, и Вениамин Аркадьевич решил не поленился и нанести неожиданный визит Вешенке.

Надо было бы, конечно, вызвать этого менеджера повесткой. Нашел бы в своем поминутном графике окошко, отменил бы какой-нибудь фуршет или визит к парикмахеру. Но по повестке он явится в лучшем случае завтра, а дело стоит.

Шоу-бизнес (и все, что с ним связано) был Вениамину Аркадьевичу глубоко отвратителен. Своей показушностью, гипертрофированными, надуманными эмоциями, чернушной откровенностью. Все эти современные «звезды» с их «звездными» же проблемами, не стесняющиеся на всю страну с экранов телевизоров рассказывать о своих любовниках, собаках и унитазах. Недавно Вениамин Аркадьевич прочел интервью одной такой «звезды», где та призналась, что пишет песни исключительно в сортире. Так ведь и слушать их после этого можно тоже только в сортире. Как же далеки эти «звезды» от настоящих звезд -Вертинского, Баяновой, людей не только талантливых, но интеллигентных и мудрых.

Окунаться в это болото было, конечно, пыткой для Вениамина Аркадьевича, но он, не раздумывая, вызвал машину и поехал на студию. Потому что не привык перекладывать свою работу на чужие плечи. И еще потому, что какой-нибудь Владимир по молодости и неопытности наверняка потерял бы способность здраво мыслить среди всего этого псевдовеликолепия псевдоталантливых людей.

На входе в натуральный обшарпанный ангар, именуемый студией, Вениамину Аркадьевичу пришлось предъявить документы и долго объяснять, почему он явился без предварительной договоренности. Конечно, его пропустили, но только после долгих телефонных переговоров охраны с Вешенкой и милостивого согласия последнего выкроить буквально несколько минут.

Надо было приехать с ОМОНОм, досадовал он, бредя по пустынным коридорам, – охранники даже не удосужились объяснить, как найти менеджера, которого Вениамин Аркадьевич уже люто ненавидел. Вдруг из-за угла на него налетело юное создание с макияжем, скорее напоминающим грим, и в юбочке, едва прикрывавшей тощий зад. Создание, кокетливо закатывая глазенки, объяснило, как пройти в операторскую, и с восторгом расписало, в чем одет Вешенка сегодня.

Вешенка (только по одежде Штур его и узнал) вместе, видимо, с инженерами звукозаписи что-то слушал в наушниках. Все они сидели спиной к настезь открытой двери и даже не заметили или сделали вид, что не заметили, как Вениамин Аркадьевич вошел. Прокашляться или постучать, чтобы обратить на себя внимание, в такой ситуации было бессмысленно. Наконец, закончив прослушивать фрагмент, менеджер снял наушники, сказал, что концовка никуда не годится, и, повернувшись во вращающемся кресле, заметил следователя.

– Ой, здравствуйте! – Он кокетливо взмахнул наманикюрными ручками. – Вы Вениамин Аркадьевич?

– Добрый день. Я старший следователь по особо важным делам Московской городской прокуратуры Вениамин Аркадьевич Штур. Где бы мы смогли спокойно поговорить?

– В моем кабинете, это напротив. – Писклявый голосок, жеманные интонации, рубашка с оборочками – все наводило на мысль, что Вешенка если не гомосексуалист, то, по крайней мере, очень старается им казаться.

Кабинет оказался небольшим – около трех метров в ширину и четырех в длину. На полу лежал новый, на редкость чистый, ковер, как будто по нему и не ходили в той же обуви, что и по улице. Вдоль стен стояли шкафы с компакт-дисками, ближе к окну двухтумбовый стол, на котором стоял компьютер с монитором в двадцать один дюйм. Вся мебель была новой, вполне приличной, одного цвета, возможно, из одного набора. Зато живопись на стенах заставила Вениамина Аркадьевича покраснеть – такой откровенной порнографии он никогда не видел. Хозяин пододвинул следователю кожаное вращающееся кресло, а сам сел за стол.

– Совершены убийства, ваша вокалистка в больнице, а вы, как ни в чем не бывало, продолжаете работу? – справился Вениамин Аркадьевич, стараясь смотреть прямо на менеджера, но глаз то и дело наткнулся на что-нибудь скабрзное.

– Слава тебе Господи, Кристиночка жива! – запричитал Вешенка. – А работа... – Он умолк, свесил напояженную голову набок, как бы взвешивая, стоит ли быть достаточно откровенным с этим следователем, и, решив, что, пожалуй, стоит, с видом неподдельной искренности продолжил: – Вы знаете, в новую программу вложены та-а-акие деньги! И если успех... а мы за него молимся! От этого же зависит Кристиночкина дальнейшая карьера.

Искренняя забота о будущей карьере Арбатовой, от которой зависит и его, менеджера, благосостояние, видимо, должна была дать понять следователю, что заинтересованности в ее смерти у него нет.

– Если вы надеетесь на ее успех, то, наверное, хорошо знаете Арбатову, расскажите о ней.

– Ой, ну что тут рассказывать?! – Он всплеснул руками. – Занималась в музыкальной школе. Получила аттестат о среднем образовании. Дальше – Гнесинка. Шопены, Шуберты... Скажите же, это скучно, да? Конечно, она выбрала поп-музыку...

– И с самого начала вы являлись ее менеджером, – стараясь абстрагироваться от томных вздохов собеседника, вставил Штур.

– Ну что вы! Начинала она с одним старпером. Боже, какой он был нудный! Какой законстелный, однообразный, он пытался заставить ее петь под музыку, написанную импотентами для фригидной аудитории. Но он был друг семьи. Вы представляете, они не стесняются таких друзей! Боже, она была вялая, скованная по рукам и ногам какими-то дурацкими, давно изжившими себя моральными устоями, она не могла раскрыться, она чахла!

– Может, просто вокальные способности не позволяли добиться успеха?

– Да при чем тут вокал?! Это давно не модно. Это вообще сейчас никого не интересует. С ее пластикой, с ее утонченностью, с ее внешностью, с ее способностью к импровизации?! Вы знаете, я впервые ее увидел на вечеринке по поводу презентации нового альбома ее мамы. Ой, ну о мамаше мы не будем, она, конечно, глыба, но Кристина! Все испились до полного свинства и стали играть в фанты. У нас теперь это модно – древнерусские игрища. Кристине досталось изобразить мартовскую кошку. Вы бы видели эту кошку! И март, и дождь, и грязный двор, и неистовое, безумное желание в одном изгибе спины! – Менеджер порывисто закусил губу и затеребил оборочки на рубашке. – Причем она ведь не готовилась, она была немножко пьяна и совершенно не в настроении... К тому времени у меня был один нереализованный проект – тема о танцовщице, безответно влюбленной в наследника автомобильного магната. В тот же вечер я попросил знакомых представить меня и предложил ей принять участие в съемке клипа. И что бы вы думали? Получилось.

– После этого она начинает успешно работать с вами?

– Ну а что нам было – разбежаться? А потом где-то через месяц она позвонила и говорит, что хочет меня познакомить с одним классным, отвязным и молодым композитором. Ей казалось, что у него есть симпатичные наработки. И мы встретились вот тут, в этом самом кабинете. Ну, Дубров был, конечно, провинциальным, совершенно не стильным... Никакого шарма, от него даже пахло дурновкусицей, представляете? Нет, ну потом-то я узнал, что он из Ростова, и все стало понятно: жуткое влияние казатчины и прибалтненнй романтики.

Но в глубине его примитивненьких синглов что-то было, тут Кристина не ошиблась. Боже, как они зазвучали после приличной аранжировки! Мы продали миллион экземпляров дисков, не считая пиратских копий.

– А не нажила ли Арбатова вместе с успехом и врагов?

– Да бог с вами, – замахал руками Вешенка, – накаркаете.

– Послушайте, – с трудом сдержавшись, чтобы не заорать, произнес Вениамин Аркадьевич. Менеджер со своими голубыми причудами его уже окончательно утомил, а полезной информации – ноль. – Совершены убийства, Арбатова, судя по всему, чудом осталась жива. Неужели вы не хотите, чтобы преступники были найдены? Ведь, наверное, и в ваших интересах, чтобы она после выздоровления без боязни нового покушения принялась за работу. – Говоря это, Штур сделал ударение на «ваших интересах», давая понять, что помнит начало разговора – раз в твоих интересах ее работа, так помоги обеспечить ее безопасность.

– Но я же не знаю ничего... – Он посопел, в нерешительности покусал губы и наконец выдал: – Вот разве конфликт Кристины с Машей Расторгуевой...

– Расскажите о конфликте с Расторгуевой, а там, возможно, еще что-нибудь вспомните.

– Кристина работала на гала-концерте в Казани. Ой, эти татары... там татарина среди музыкантов ни одного не было или, может, один был. Все шоу на себе гости вытянули. Так вот, сначала выступала Кристина, а через пару песен за ней – Расторгуева. Ну, было смешно, Расторгуева прохрипела нечто очень-очень похожее такое на композицию Кристины, но такое жалкое подобие! В общем, выглядело даже не как пародия, а как неумелое подражание. Может, поэтому Расторгуеву не приняли. Ой, да что там говорить, ее натурально же затюкали.

– Но на этом все не закончилось?

– Ой, вы такой догадливый! Не кончилось, конечно. На «сборнике» в Ростове, на каком-то захолустном стадионе, – Боже ты мой, какая там была грязь и вонь! – Кристина вышла с хитовой композицией, в Москве народ просто рыдал бы от счастья, видя такое живьем. А в Ростове ее и музыкантов закидали из толпы сгнившими, фи, какая гадость, до сих пор не могу спокойно вспоминать, помидорами и протухшими яйцами. Ой, ну, милиция бросилась искать, нашла нескольких мальчишек, но спеть Кристине так и не дали.

– И эти действия вы приписываете стараниям Расторгуевой?

– Ну что вы меня пытаете?! Никому я ничего не приписываю! Просто рассказываю все, что знаю.

– Да, немного. Вы знаете, где живет Арбатова?

– Ой, конечно, знаю, как, по-вашему, можно заниматься творчеством с восьмью до пяти на рабочем месте?

– А не дороговато ли жилье для молодой исполнительницы?

– Для звезды! – поправил Вешенка. – Звезде для творчества нужны уют, комфорт, романтическая обстановка...

– Не могли бы вы подсказать, кто больше всех других из вашей команды общался с Арбатовой?

– Ну, если я не в счет, – менеджер недвусмысленно стрельнул глазками в Штура, – тогда Дубров.

– Спасибо за помощь следствию, – сказал, поднимаясь, Штур и добавил, бросив на стол визитку: – Что-нибудь вспомните – звоните. – Пожать протянутую менеджером руку или хотя бы вложить в нее визитку Вениамин Аркадьевич себя заставить не смог.

– Ой, и передавайте от нас привет. – Вешенка нимало не смутился тем, что следователь проигнорировал его прощальный жест. – Вас-то, конечно, пустят к Кристине раньше, чем нас, простых смертных.

Выходя из студии, Штур про себя раздраженно подводил итоги: «Вешенка: во-первых, извращенец, простигающий себя и Арбатову, а таким отбросам нельзя верить по опреде-

лению; самоуверен и нагл: ишь ты, додумался передавать привет, поле чудес устроил или возомнил, что приобрел в моем лице себе приятеля; во-вторых, не болтливый (хоть и причитает без умолку, но бессодержательно), ничего не рассказал, кроме того, что и без него легко было узнать, кроме байки о Расторгуевой. Пожалуй, разговорить его можно, имея что-нибудь повеселее одного желания раскрыть преступление. Попросить муровцев проверить Вешенку? Нет, пожалуй, преждевременно. У них более серьезной работы хватает».

– Вениамин Аркадьевич, звонил Владимиров, – услышал Штур, садясь в машину, голос своего шофера, – просил передать, на заводе ничего особо интересного не нашли, но выяснили: Марков приобрел контрольный пакет акций пивоваренного завода в Ростове. Сейчас пытаются установить его тамошние контакты.

– Поехали обратно в прокуратуру. Снова Ростов. Интересное совпадение...

– Совпадение?

– Да, это я о своем, Володя...

...Дубров явился точно в 16.00. Штуру это понравилось, и вообще, композитор ему понравился – никакого снобизма, никакой вульгарности, скромный и на удивление вежливый. Та провинциальная скованность и даже некоторая робость, которая так не нравилась в Дуброве Вешенке, наоборот, импонировала Вениамину Аркадьевичу.

– Думаю, вы уже знаете: Арбатова тяжело ранена и находится в больнице.

– Да. Как она? – На лице композитора отразилось неподдельное беспокойство.

– С медицинской точки зрения ее жизнь вне опасности, а вот преступников мы еще не поймали. Знаете ли вы, кто мог совершить это преступление?

– Нет. – Наступила длительная пауза.

– Хорошо. Поставим вопрос по-другому. Были ли у нее враги?

– Враги?... – Вновь пауза. – Не знаю.

Штура потянуло сказать: «А вот ее менеджер и ваш хороший знакомый Вешенка рассказал о конфликте с Расторгуевой. Вам эта фамилия ни о чем не говорит?» Стоп. Просто сцена из дешевого детектива выходит: следователь уличил подозреваемого, и тот вот-вот готов сознаться. Не в чем его уличить. Да и не стоит, хороший же парень. Надо просто его разговорить, сам все расскажет. Поразмыслив еще с полминуты, Вениамин Аркадьевич, прервав затянувшуюся паузу, спросил:

– А в Ростове, до того как приехать в Москву, с кем вы работали?

– Поначалу с ребятами свадьбы обслуживали, в ресторанах играли. Летом в Сочи или в Крым ездили. Затем стал писать для Расторгуевой.

Вот оно! И совсем даже не надо было давить. Главное – правильно повернуть беседу, незначительным, казалось бы, вопросом, а уж это-то Вениамин Аркадьевич умел делать виртуозно.

– А что, сотрудничество с Расторгуевой было более привлекательным, чем игра в ресторанах? – задал он новый вопрос, тоже на первый взгляд никакого отношения к делу не имеющий.

– Игра в ресторанах была привлекательной только оплатой. – Дубров, кажется, немного раскрепостился, почувствовал, что следователь совсем не страшный, ему не враг и, главное, ни в чем его не подозревает. Что это не просто формальный допрос, куда тащат всех подряд. Что следователь ему верит и действительно надеется получить реальную помощь в раскрытии преступления. – Бросить таким способом зарабатывать мечтал давно. Как только подвернулся случай, так и бросил.

– Так было плохо?

– Я вам один случай расскажу, а выводы... Выводы сами сделаете. Работали одним летом в Сочи на открытой площадке. Мы играли, а каким-то бандитам в зале заскучалось. Может,

набрались, может, по жизни такие, но вдруг им взбрело в голову прострелить подвес люстры, висевшей под навесом над сценой. Поначалу мы не поняли, в кого стреляют. Попрытались за колонны. Не с первого выстрела, но подвес перебили. Люстра упала. Братаны шумно радовались. Прибежала милиция. Выяснила, что никто не пострадал, просто клиенты развлекаются, и ушла. Мы продолжили играть. Происходило это почти в центре Сочи.

– Это на выезде. А в Ростове такой же беспредел?

– Идешь вечером играть и не знаешь, вернешься ли. Один раз потасовка началась, так еле ноги унесли через черный ход.

– С Расторгуевой было иначе?

– Расторгуева начинала, как и я, по ресторанам. Но больно пришлось по душе... ну, знаете кому. Стала работать в лучших ночных клубах. Заимела охрану. Ее протолкнули на местное радио. Пела песни о России, про удачу казацкую. Желаящий увидит не казацкую, а бандитскую. В общем, стала певицей донско-кубанских масштабов. Поначалу приятно было повсюду слышать песни, тобою написанные или обработанные. Но работа все равно на все сто была заказная. Сделал я одну вещь, но Марии Павловне она пришлось то ли не по вкусу, то ли не ко времени...

– И после этого вы едете искать счастья в Москву?

– Приехал к знакомым погостить, но встретился с Кристиной, вырисовывалась интересная работа, я остался.

– Что случилось в Казани? Маша исполнила отвергнутую песню? Был скандал?

– Уже рассказали? – Дубров грустно усмехнулся: – Расторгуева поймала меня в холле. Обвинила в краже и так далее. Меня она почти не слушала. То, что у Кристины был целый альбом из моих песен, она как будто и не знала.

– И на этом все закончилось?

– Расторгуеву пригласили в «Акулы пера», и там она на полном серьезе обвинила Кристину в том, что она меня – молодого перспективного композитора, заметьте, когда я работал с ней, она меня таковым не считала... – так вот Кристина якобы затащила меня в свою постель, охмурила и переманила от нее, неспособной на такую подлость. Для большинства телезрителей, наверное, это выглядело комично, но кто-то поверил, а Кристина, конечно, обиделась.

– На концерте в Ростове безобразия дело ее рук?

– В Ростове меня не было. Работал над новым альбомом. Но еще до поездки туда Кристина, плохо зная Расторгуеву, дала достаточно скандальное интервью, как бы отомстила за обиду.

– Вы довольны новым сотрудничеством? Глядя на вас, не скажешь, что вы автор звездных хитов. Вот Вешенка, – Вениамина Аркадьевича передернуло от воспоминаний о менеджере, – он, сразу видно, – представитель богемы...

– Пишу для души и еще получаю за это деньги... – пожал плечами Дубров. – Мог ли подумать о таком раньше? Да и много ли таких вообще? А деньги... деньги трачу не на костюмы от Версаче, а на аппаратуру.

Ладно, довольно лирики, пора переходить к конкретным фактам.

– Вы знали, чем собиралась заниматься Арбатова в день покушения?

– Нет. Она просила дать ей день покоя. Говорила, что хочет отдохнуть.

– А отдыхала она всегда одинаково?

– Нет, могла проваляться весь день в постели, а могла укатить куда-нибудь кататься на водных лыжах или на виндсерфинге, могла целый день прошататься с детьми по зоопарку.

– То есть о том, что она пойдет на пляж и тем более в котором часу туда пойдет, заранее никто не знал?

– Я думаю, она сама об этом не догадывалась еще за полчаса до того, как вышла из дому. Я планировал позвонить вечером, – и, как бы оправдываясь, добавил: – Хотел последнюю работу показать.

Денис Грязнов. 22 июня

«Не терпящее отлагательств дело» при ближайшем рассмотрении оказалось совершенно не срочным. По крайней мере, немедленно куда-то бежать, кого-то хватать, за кем-то следить не было никакой необходимости. Выслушав клиентку, вполне можно было бы возвращаться обратно на Клязьму и продолжать банкет. Только «старички», пока Денис утешал бедную вдову, уже успели разъехаться.

В итоге он озадачил подчиненных сбором первичной информации о покойном Минчеве, а сам уселся за компьютер восполнять пробелы в образовании. Нужно было наконец разобраться, чем так замечательна эта люстра Чижевского и нет ли среди побочных эффектов лечения ею, например, скоростного банкротства или спонтанной тяги к суициду.

Не разобрался. Хвалят все кому не лень и на все лады, а за что хвалят – не понятно. В теоретические дебри Денис, естественно, влезать не собирался, семиэтажные формулы с анионами и катионами ему все равно ни о чем не говорили. Восторженные отзывы простых российских обывателей (даже если кто-то из них и является доктором медицины и всеми уважаемым профессором) тоже звучали как-то неубедительно, а нормальной статистики: сколько человек из тысячи под этой люстрой выздоровели до младенческого состояния – в Интернете не было, если такая статистика вообще существует.

– Далась тебе эта люстра? – с набитым ртом пробурчал Макс. – От нее только рабочее настроение портится.

– А поподробнее? – Денис отключился от сети и вместе с креслом откатился подальше от монитора.

Макс, главный и единственный специалист по вычислительной технике в ЧОП «Глория», являлся общепризнанным компьютерным гением, но и в вещах, далеких от компьютера, был далеко не полный профан, потому Денис его суждения крайне редко оставлял без должного внимания.

– Все, что ты там начитал, шеф, полная лажа, – заявил гений, запихнув в рот очередную порцию чипсов и изрядно накрошив на бороду. Как у всякого гения, у него не хватало времени особо следить за своим внешним видом. А значит, видок у него был соответствующий: бородастое улыбающееся лицо, красные от непрерывного бдения у монитора глаза, темные, курчавые, вечно спутанные длинные волосы. Большой и толстый, он носил рубахи свободного покроя, никогда не заправлявшиеся в брюки и постоянно заляпанные кетчупом, кофе или кока-колой. – Бальзам на израненные души ипохондриков, и больше ничего. Народ у нас то начинает пить зеленый чай вместо черного, потом вдруг оказывается, что зеленый тоже вреден, надо пить красный, а лучше вообще никакого. То в гербалайф ударятся. Теперь на люстре этой помешались. Давай скорей ее по школам и детсадам развешивать. Профанация чистой воды, вот что я тебе скажу.

– А что там насчет порчи рабочего настроения? – усмехнувшись, переспросил Денис.

– А то. Покажи мне хоть одного хакера или хотя бы просто приличного юзера, который бы у себя над головой эту хреновину повесил? Нет таких.

– И почему?

– А потому, что если ты на собственном здоровье сдвинулся – езжай в тайгу к медведям или в деревню к коровам. А если ты работаешь, то на остальное начхать. Я с компом – практически единый организм, я на него, как на себя, рассчитываю, и вот мы с ним, значит, творим, а в это время что-то из него отрицательную энергию высасывает и насильно начинает положительной обогащать? – Макс пару раз дернул себя за бороду, что делал всегда, когда слишком завоодился и не мог сформулировать мысль. – Короче, я не врубаюсь, зачем тебе эта люстра и зачем тебе вообще это дело?

– Господи, а дело-то тебе чем не нравится? – удивился Денис. – Без работы же сидим, а зарплату ты, между прочим, с меня исправно требуешь.

– Да ладно, – отмахнулся Макс. – Запал на вдовушку, так и скажи. Не спорю, смазливая. Только от таких клиенток, сам знаешь, одна морока, и больше ничего. Сперва она тебе голову дурить начнет, потом поцелуями расплачиваться станет... Жениться тебе пора, шеф, вот что!

– Это тебе в отпуск пора, в деревню к коровам, заработался совсем!

– А я? А мне можно в отпуск? – В дверь просунулась хитрая рожа Голованова. – Я тоже в деревню хочу.

– Тебе – нельзя, – отрезал Денис и поманил Севу в свой кабинет. – Рассказывай, что выяснил?

Из– за стены послышались звуки похоронного марша и сдавленные крики -обиженный Макс зарядил Diablo-II.

– Вот. – Сева выложил перед Денисом чек на 118 рублей. – Занеси в статью расходов. Две бутылки водки для хорошего человека при исполнении.

– Опять с ментами пил? – усмехнулся Денис.

– Я не пил, – побожился Сева, – я заплатил за информацию. Минчев жил на Тверской, там же и умер, выезжали по вызову из десятого отделения. У меня в десятом знакомый опер, водка досталась ему, а мне следующие сведения: Минчев застрелился одиннадцатого июня сего года из собственного охотничьего карабина «Сайга»...

В кабинет неслышно вошел Щербак, тоже последние несколько часов занимавшийся изысканиями на тему Минчева, он жестом предложил Севе продолжать и, закурив, устроился на подоконнике.

– Карабин зарегистрирован, все бумажки в порядке, – продолжил Сева. – На оружии только отпечатки Минчева. Стрелял он под подбородок, поэтому от головы там, естественно, ничего не осталось, но труп был дактилоскопирован и однозначно опознан. Что еще? Квартира была закрыта изнутри, следов взлома не обнаружено. Правда, предсмертной записки тоже не нашли, но, может, он не был формалистом. Когда следователь узнал о банкротстве, другую причину искать уже не стали. Короче, ментовский вердикт: самоубийство.

– А другие версии не подтвердились или не отработывались? – уточнил Денис.

– Скорее, не подтвердились. У жены алиби, у домработницы тоже. Естественно, проверили фирму, там персонал тоже оказался вне подозрений, о Минчеве отзывались как о неуравновешенном, вспыльчивом, в гневе – совершенно невменяемом, то есть вполне способном на самоубийство. В финансы менты не углублялись, но факт полного банкротства подтвердился.

– Все?

– Почти. Я еще совсем чуть-чуть пошатался около дома Ольгиных родителей, покалякал с пенсионерами. Семья не бедствует – отец работает в Мосэнерго, начальник Южнобутовского ПЭС, мать преподает английский в лицее. Эпопею со сватовством Минчева приподъездные старушки помнят прекрасно, хотя уже почти три года прошло. Каждый вечер к дому подруливал шикарный белый «ниссан», Минчев, тоже такой весь из себя шикарный и благоухающий, с розами поднимался в квартиру, потом выходил с Ольгой, открывал так галантно блестящую дверцу, помогал Ольге усесться, потом раскланивался со старушками и отбывал. Мать неизменно наблюдала за этим ритуалом из окна, соглашалась с бабульками, что за Оленькой ухаживает очень симпатичный молодой человек, и небедный, и не бездельник, и без вредных привычек. Тра-та-та... замечательная партия, о подобном браке можно только мечтать, дай бог Оленьке счастья и так далее. Короче, предки нашей клиентки полюбили зятя как родного, до сих пор в жутком трансе по поводу его гибели и крайне недовольны официальным расследованием. Так что, возможно, Минчева пришла к нам с их благословения. Все.

Денис повернулся к Щербаку:

– Что-нибудь добавишь?

Николай загасил сигарету и открыл блокнот.

– Минчев Игорь Михайлович, 1965 года рождения, родители погибли в автокатастрофе в 93-м, – процитировал он, водя пальцем по страничке, – братьев, сестер не имеет, о существовании бабушек-дедушек, дядей и кузенов я пока ничего не узнал.

– Ольга называла его тетку, кажется, по матери, – вспомнил Денис. – Как-нибудь потом с ней пообщаемся. Хотя, поскольку большого наследства не предвидится, конфликтов с родственниками быть не должно.

– Согласен, – кивнул Щербак. – Был я в его конторе. Фирма называется «Лючия», видимо «люстра Чижевского и я». Они уже объявили о своем закрытии, но офис еще работает. Пообщался с секретаршей, – он снова заглянул в свои записи, – Архипова Лидия Ивановна. Против Минчева она ничего не имеет, работала с ним около пяти лет, зарплату платил, с интимными предложениями не приставал, хотя ей изрядно за сорок – я бы, наверное, тоже не стал приставать. Последние четыре года занимались они исключительно люстрами Чижевского, арендовали целый цех на электромеханическом заводе, штамповали люстры сотнями, клиентов было множество, а где-то с января этого года переключились почти полностью на муниципальные заказы, то есть большие партии плюс какие-то налоговые льготы. Собирались расширяться, а потом в одночасье все кончилось.

– «В одночасье» это как? – ухмыляясь, поинтересовался Голованов.

– Это значит очень-очень быстро и, по крайней мере, для секретарши совершенно неожиданно, – огрызнулся Николай. – От их услуг вдруг отказались все и одновременно, а Минчев как раз перед этим взял кредит на расширение производства и уже вложил все до копейки, рассчитывая на быстрый возврат средств.

– А в самоубийство секретарша поверила? – спросил Денис.

– Говорит, что ничего невероятного в этом нет. Это клиентам и разовым деловым партнерам Минчев легко внушал чувство стабильности и уверенности в завтрашнем дне, а на самом деле страдал частой сменой настроений, мог наорать на нее без всякого повода, и вообще, она думает, что он лечился у психиатра. – Щербак сделал паузу, убеждаясь, что этот факт дошел до Дениса и понят правильно. – В апреле, примерно тогда же, когда у них начались первые финансовые неприятности, в рабочем ежедневнике у Минчева появились записи о встречах с неким Гройцманом. Это не был клиент или партнер, секретарша бы об этом знала. Встречи эти Минчев всегда планировал на вечер и на следующий день после них был какой-то сомнамбулически спокойный, из чего она сделала вывод, что он лечится. С секретаршей все. Еще я видел коммерческого директора Минчева, – Щербак сверился с записями, – Березина Сергея Константиновича. Этот с Минчевым вообще с незапамятных времен, чуть ли не друг детства. Начал мне рассказывать, какой Минчев был замечательный: умный, хваткий, с удивительной деловой интуицией. Как они начинали с китайских фонариков и плееров, а потом благодаря Минчеву попали в струю и раскрутились на люстре Чижевского. Об отвратительном характере друга этот не вспомнил, может, привык и не замечал, а может, просто не хотел рассказывать. Удивился, что Ольга решила нанять частных сыщиков. Вообще, он от нашей клиентки в полном восторге. Говорит, в юности Минчева за феноменальную коммуникабельность и умение склеить любую юбку друзья звали Бельмондо, и Минчев с большим удовольствием подтверждал сие реноме. Но все это было чистой водой баловство, а встретив Ольгу, покойный остепенился и стал примерным семьянином. Короче. Я так понял, что Березин вдове в беде не оставит, но договорить не получилось: его вызвали на какую-то встречу. Он подыскивает себе новую работу или уже подыскал.

– Ну и что у нас вытанцовывается? – справился Сева, видя, что Щербак закончил.

– Пока явных проколов в версии с самоубийством я лично не вижу. – Денис обвел взглядом товарищей, те, похоже, были с ним согласны. – Нужно еще проверить этого Гройцмана, кстати, секретарша следователю о нем говорила?

– Не говорила, – ответил Щербак, – она на него обиделась. Он ее повесткой вызвал, а муж ей устроил скандал по этому поводу.

– Ладно, значит, Гройцманом, если таковой существует, я займусь сам. Ты, Николай, раз уж начал, копни поглубже, что там с банкротством, а заодно конкурентов Минчева, может, эти люстры вообще уже вышли из моды, и все их производители разоряются. А ты, Сева, сходи поговори с соседями, осмотрись и вообще. С домработницей я тоже поговорю сам, посмотрю квартиру на предмет проникновения не через дверь, узнаю, как и где хранилось ружье и все, что касается дня самоубийства.

– Может, давай, пока ты с Гройцманом не поговоришь, не будем с остальным заводиться? – предложил Сева. – Вдруг выяснится, что Минчев был шизиком?

– Шизиков, Сева, тоже очень даже убивают, особенно за большие невозвращенные кредиты, – заметил Денис. – Так что давайте гонорар отрабатывать.

В. А. Штур. 22 июня

Вениамин Аркадьевич листал материалы дела, с презрением покачивая головой. «Элитный» жилищный комплекс. По всем ведь документам это чертово Покровское-Глебово проходит как «элитный» жилищный комплекс! И по нашим, милицейским, и по градостроительным.

Кто бы всем им, дуракам, объяснил, что «элитными» щенки бывают, а то, что предназначено для элиты, обозначается словом «элитарный»! И это даже он, Штур, понимает – а он не филолог, а следовательно всего-то навсего. Мелочь, конечно...

Такие якобы мелочи вечно выводили его из себя. Вот и дикторы телевизионные нынче повадились вводить в язык «новые нормы». То и дело слышишь «о-дно-врЕ-мен-ный» с ударением на третьем слоге, «о-бес-пЕ-че-ни-е» с ударением на третьем слоге... Душить, душить безграмотных уродов, а не на экран выпускать! Давно понятно, что редакторы программ русского языка не знают. А вообще есть они сейчас, редакторы эти, или поувольняли за ненадобностью? Может, вовсе такую должность упразднили? Раз политической цензуры больше нет, так и языковую – к ногтю? Свобода! Вот эта девочка, например, третий год по ящику вещает. Неужели же за все это время ни одного знакомого у нее не нашлось, который бы честно сказал: «Катенька (или Машенька, или Леночка, черт ее знает), по-русски говорят „одновременнО“! Если какой-то кретин решил проверять ударение словом „время“, так это его личная беда, не неси ее в массы! На ударения, да и вообще на языковые правила, мода распространяться не может! Не может быть „модным“, к примеру, говорить „ехай“ вместо „езжай“ – потому что слова „ехай“ нет в природе!» Или нет в кругу ее знакомых никого, кто бы об этом знал? Позор, позор... Вениамин Аркадьевич с негодованием переключал канал, но тут же другая дикторша выдавала что-то уж совершенно вопиющее, и Штур в ярости принимался нажимать на все подряд кнопки пульта.

Клавдия Степановна в такие минуты тяжело вздыхала, забирала у мужа пустую тарелку, ставила перед ним чашку с чаем и блюдо с домашними ватрушками (на ватрушки она была мастерица!) и принималась, как могла, утешать:

– Венечка, ну ведь мы с тобой разговариваем грамотно? Грамотно. И дети наши так разговаривают, и друзья. Не один ты на свете такой остался.

– Ты подумай только, Клава, сколько молодежи сидит сейчас у телевизоров! Подумай, чему они научатся и чему сами станут учить своих детей!

– Но ведь у этой молодежи есть родители, которые помнят, как правильно... Они им объяснят...

– А почему этой дылде лупоглазой, – Штур гневно направлял в экран волосатый палец, – родители не объяснили? Такая ты у меня прекраснодушная, Клава...

– Дура, ты хочешь сказать, – с улыбкой уточняла жена.

– Я хочу сказать, что, как это ни печально, верить в хоть какие-то остатки интеллекта, витающие в обществе, уже нельзя. Иначе мы сами остаемся в дураках. Ну вот, опять! Теперь у этой дряни рынок, видите ли, «Оптовый»!

– Давай ее вообще выключим, Венечка. – Клавдия Степановна практически с риском для жизни отобрала у мужа пульт, вложив ему в руку ватрушку. – Ты про выпечку мою совсем забыл, а я так старалась...

На самом деле Клавдия Степановна давно – уж лет пять назад, как минимум, как только появились «в телевизоре» новые ударения на старых словах, – облазила все словари с надеждой убедиться в правоте своего мужа. Увы! «Одновременный» и «одновременный» оказались равнозначными вариантами, а уж по части «обеспечения» Венечка и вовсе был категорически не прав. Клавдия Степановна очень тогда расстроилась, даже всплакнула тихонько, но словари

убрала подальше и мужу ничего не сказала. Уж она-то – настоящая боевая подруга и ни за что не станет втыкать ему нож в спину.

Сейчас, когда Штур исходил желчью над «элитным» жилым комплексом, боевой подруги рядом не было, и некому было утешить его ватрушкой. А ведь Вениамину Аркадьевичу предстояло новое испытание: надо было это самое Покровское-Глебово посетить, оглядеть, как там и что на месте преступления.

Штур ожидал, конечно, что Покровское-Глебово вызовет у него здоровое раздражение. Но оказалось – какое там раздражение! Практически с порога он просто пришел в ярость.

«Русская дворцовая усадьба восемнадцатого века». И смех и грех. Вы представляете ее пятиэтажной? Нет? Так поглядите. Зимний дворец и тот трехэтажный. Так то ж Зимний дворец, а не жилой дом! Гигантомания пополам с манией величия. «Лужковское барокко», ха-ха. Верх пошлости, верх безвкусицы. Совсем сдурели отцы города, спасите-помогите".

Вениамина Аркадьевича, заглядевшегося на «красоту», чуть не сбили с ног парень с девушкой в белых спортивных шортах, белых футболках и белых же кроссовках. Из заплечных сумок – для разнообразия синих – торчало что-то непонятное, нелюдской какой-то спортивный инвентарь. Молодые люди торопливо извинились и пробежали в подъезд. Швейцар в ливрее предупредительно распахнул перед ними дверь.

Следователь хмыкнул – швейцар, однако. Духу времени следовать пытаются, выродки. А вечером швейцар этот скинет ливрею да пойдет водку пить к метро. Театр, а не жизнь. Интересно, если он дверь будет плохо открывать – ему что, премию срежут или высекут на конюшне «в духе времени»? Может, кстати, и пристрелят – это ж «новые русские», у них свой «дух»...

Он побрел к месту преступления – туда, где стояла «машина-убийца», самостоятельно обстрелявшая Маркова, Тарасенкова и Арбатову с телохранителями. На перекрестке висел указатель: «Яхт-клуб», «Поле для гольфа». Штур громко, вслух, расхохотался, вспугнув пару белых голубей, пристроившихся на крыше маленького сооружения непонятного назначения. К счастью, кроме голубей, поблизости никого не оказалось, но Штур не преминул бы расхохотаться и прилюдно. Это же надо – поле для гольфа в «русской дворцовой усадьбе»! Постеснялись бы они! Школьник знает, что гольф в Россию только этими самыми «новыми русскими» и завезен, а в восемнадцатом веке его быть не могло никак. Не говоря уже о том, что автомобили, на которых приезжают здешние обитатели, совсем с обстановкой не вяжутся...

В самом деле, обязать бы этих уродов разъезжать по городу на тройках, да с бубенцами! Паноптикум из Покровского-Глебова. Пальцами бы на них показывали. А так...

Что у них там внутри, в квартирах? Впрочем, догадаться нетрудно. Фонтаны посреди прихожих, водяные матрасы с подогревом и прочие джакузи. В общем, вся та гадость, которой в настоящих покоях восемнадцатого века быть не должно. В настоящих покоях восемнадцатого века дамы в кринолинах должны расхаживать, а не девки в шортах.

В конце концов, кем надо быть, чтобы искренне пожелать жить в «дворцовой усадьбе»? Сумасшедшим музейщиком, библиоманом, специалистом по восемнадцатому веку. Ну и к тому же иметь на счетах запредельные суммы. Но такие вещи обычно не совпадают. Да что там обычно – никогда! Да из этого новодела нормальный «специалист» сбежал бы в ужасе. Будь у него ваши деньги, он бы выкупил настоящую – именно настоящую! – усадьбу восемнадцатого века, обустроил бы ее и изнутри, и снаружи как надо, выискивал бы вещи по антикваркам... Швейцара бы сек (об этом Вениамин Аркадьевич подумал с особенным удовольствием).

А эти накупили небось итальянской мебели с гнутыми ножками выпуска прошлого года (или какая там мебель сегодня в моде?) и думают, что живут при дворе Екатерины Великой.

Вениамин Аркадьевич отступил от вывески и едва не шагнул под проезжающий автомобиль, странный какой-то, длинный-длинный. В иномарках Штур никогда не разбирался. Он метнулся в сторону, вскочил на газон. Что же это такое – то спортсмены местные чуть с ног

не сбили, то техника (двадцатого, товарищи, века!) наехать пытается... «Нет мне тут места, – подумал Штур. – А о чем я сейчас размышлял? О том, насколько все это не соответствует моему представлению о восемнадцатом веке – то есть не „моему представлению“, а попросту „нормальному представлению“. А какая, собственно, разница? Не об этом надо рассуждать...»

Не об этом, – тут обычно аккуратный Вениамин Аркадьевич не без удовольствия выплюнул выкуренную до половины «беломорину» на стерильно-чистый газон, как раз неподалеку от урны, – а о том, что честным способом, как известно, такие деньги заработаны быть не могут. Он, Штур, следовательно, он знает. Деньги, которые позволяют современному человеку жить в «дворцовой усадьбе восемнадцатого века», пусть даже и поддельной, добыты могут быть только путем убийств и хищений, шантажа, вымогательства, в лучшем случае – взяточничества. А значит, все это якобы великолепие выстроено на крови и костях, и вокруг него сейчас ходят, ездят, играют в гольф и плавают на яхтах преступники такого пошиба, какие ему, следовательно с двадцатипятилетним стажем, и не снились.

Нет, почему, снились, конечно. Да и работал он с ними. Сиживали эдакие типы за столом напротив Вениамина Аркадьевича в прежние времена. Под конвоем их к нему приводили. Только раньше все было однозначно ясно – кто виноват, а кто прав. И тех, кто виноват, Вениамин Аркадьевич безо всяких душевных терзаний отправлял за решетку, а за особо оперативную работу начальство выписывало ему премии. А нынче за служебное рвение могут и не погладить по головке, а вовсе даже наоборот. Нынче вот они – проезжают мимо в лимузинах, загоняют мирного пешехода, он же старший советник юстиции Штур, на обочину, и море им по колено. Руки у нашего конвоя коротки таких приводить. Хозяева...

Вениамину Аркадьевичу стало страшно. Раньше он служил Родине, и Родина была ему благодарна. Теперь он тоже служит Родине, а она... Она молчит. Ее, Родину, никто больше не представляет. Она превратилась в ничто. Она, конечно, с ним, со Штуром, но нигде ее больше нет, кроме как в его памяти. Будто образу Прекрасной Дамы служит, ей-богу...

От обиды кончик носа у Вениамина Аркадьевича, несмотря на жаркий день, превратился в ледышку. Подойдя к месту преступления, он снова закурил.

Здесь, на месте расстрела его потерпевших, лежало столько цветов, сколько Штур и в цветочном магазине не видел. Да и сами цветы были странноватые, неузнаваемые. Ну вот розы – это понятно. А это лилии – лилии Вениамин Аркадьевич узнавал, потому что однажды сам подарил их на какой-то праздник Клавдии Степановне и надолго запомнил тяжелый аромат этих белых красавиц, заполняющий всю квартиру. Клава, конечно, была благодарна, цветы ей понравились, да если бы и не понравились, она не сказала бы и слова, но Штур дал себе слово не покупать этих цветов больше никогда – так болела и даже как-то дурнела голова от их запаха. Да и пороку бы не хватило у него, если честно, покупать лилии постоянно – не про его, следовательно, кармашек цветочки.

Прочих цветов Вениамин Аркадьевич просто не знал. Ну не видел никогда, и все тут. Вспомнилось книжное название: «орхидеи». Интересно, есть здесь такие?

А на самом деле – вовсе не интересно.

Эти бандиты, эти грязные животные вышвыривают деньги на неведомые науке цветы – может, выписывают их прямо из какой-нибудь Австралии? Не все равно ли погибшим Маркову и Тарасенкову, что за цветы возложили товарищи на место их гибели? А вот если бы эти самые товарищи на те же деньги, на которые они выписывали цветы из Австралии (Вениамин Аркадьевич уже сам поверил в собственную «австралийскую» версию), скупил бы васильки у метро, которыми торгуют старушки... Он вдруг так отчетливо представил старушку, которой в обмен на букетик васильков протягивают штуку баксов. Бабуля, пожалуй, не переживет потрясения.

Да нет, ну, правда же, чудовищно: нищие на вокзалах и эти «орхидеи» погибшим бандитам. Пенсии стариков и джакузи в квартирах этих ублюдков. Вениамин Аркадьевич вспомнил,

как его сосед, восьмидесятичетырехлетний Петр Александрович, частенько занимал у него в конце месяца по четыре рубля восемьдесят копеек: ровнехонько на батон хлеба в угловой булочной. У Штура обычно не было мелочи, и он пытался всучить старику десятку, но десятки тот не взял ни разу – и понятно почему. Не выдержит, потратит лишние пять рублей двадцать копеек до пенсии – купит, скажем, пару помидоров, без которых вполне, по мнению государства, может и обойтись, – а потом, получив деньги, придется отдавать такую крупную бумажку. Обидно... Да и рассчитано у пенсионеров все до копейки – что они могут себе позволить, а что нет. Штур старика понимал, перерывал карманы своих двух пиджаков, куртки и пальто и отыскивал ровно четыре восемьдесят. А когда Петр Александрович приходил отдавать долг, Вениамин Аркадьевич не раз пытался слукавить: Петр Александрович, мол, дорогой, вы что же, забыли, вы уже отдавали мне деньги. Но дед был тверд: я точно помню, не отдавал.

А здешние ребята месячную пенсию Петра Александровича швейцару на чай оставляют. Гадость, мерзость, стыдно и за них, и за себя, и – громко звучит, но иначе не скажешь – за государство стыдно.

«Что я расследую? – спросил себя Штур. – Кто, как и за что убил этих бандитов? А кому это надо? Марков с Тарасенковым и так заслужили „вышку“ уже хотя бы потому, что могли позволить себе жить в таких условиях. Так пусть и жрут себе друг друга, сволочи! Конечно, не старшему советнику юстиции такие крамольные мысли высказывать, но сейчас мне наплевать. Другие вещи заслуживают расследования, совсем другие...»

Штур не выдержал и повернул назад. В печенках у него это Покровское-Глебово сидело. Не мог он там о деле думать...

Денис Грязнов. 23 июня

Леонид Семенович Гройцман действительно существовал. Правда, был он не психотерапевтом, а психологом, но твердо обещал каждому, кто к нему обратится, избавление от стрессов, крепкие нервы и новый, позитивный взгляд на жизнь.

Совершенно не рассчитывая на успех, Денис решил просмотреть рекламные объявления, посвященные здоровью, и в первой же газете наткнулся на большую, в треть колонки, но аскетически скромную (без всяких дурацких рисунков и вензелей) визитку Гройцмана Л. С. Кроме адреса в газете имелся также номер телефона, по которому осуществляется предварительная запись, но Денис звонить и записываться не стал, поехал без предупреждения.

Приемная Гройцмана располагалась в обычном жилом доме, в квартире на первом этаже с собственным входом. Одно окно расширили до размеров двери, снизу пристроили пару ступенек, а над дверью соорудили козырек. Бетонные ступеньки были изрядно стертые – то ли цемента пожалели, когда строили, то ли клиенты валом валят. Железная дверь, обшитая шпоном, с табличкой: «Л. С. Гройцман. Психоанализ, терапия» была заперта. От психов прячется, усмехнулся про себя Денис и нажал кнопку домофона.

– Вы записывались? – раздался томный голос.

Денис просительно запричитал в ответ:

– Девушка, мне очень, очень нужно поговорить с доктором! Если это необходимо, я запишусь прямо сейчас.

Томный голос не удостоил его ответом, но замок шелкнул, и дверь призывно распахнулась сама собой. Денис вошел в пустую, весьма скромно обставленную приемную.

– Леонид Семенович как раз сейчас не занят и сможет вас принять. – Обладательница томного голоса вид имела не менее томный. Похлопывая двухсантиметровыми ресницами, она протянула Денису пачку бумажек. – Заполните, пожалуйста, вот эти анкеты.

Денис взял несколько разноцветных листков и уселся за журнальный столик. Вопросов в общей сложности было не менее двух сотен, и человека сколько-нибудь неуравновешенного сама бесконечная процедура заполнения анкет должна была, по меньшей мере, вывести из себя. Или Гройцман таким образом проводит отбор клиентов? Не взбесился, заполнил все – значит, не совсем псих, можно лечить. А еще среди множества, казалось бы, безобидных вопросов были и интересные: «Ваше материальное положение? Занимаете ли Вы руководящую должность? Каким количеством людей Вы руководите?»

А уж вопрос «Как называется организация, в которой Вы работаете?» удивил Дениса особенно. В общем, анкета была больше похожа на «вопросник рэкетира».

– Простите, – обратился он к секретарше, – если не секрет, а вот этот вопрос, – он ткнул пальцем в анкету, – какое отношение имеет к моим проблемам?

– Все вопросы в предложенных анкетах тщательно подобраны и утверждены ассоциацией психологов Российской Федерации, если не хотите, можете не отвечать, хотя отсутствие некоторых ответов затруднит решение вашей проблемы, – выдала она заученную фразу.

– Не сомневаюсь, – буркнул Денис и написал: "з-д «Красный Октябрь», потом подумал и дописал в скобках: «токарь VI разряда». Покончив с анкетами, он отдал их секретарше.

– Присядьте, сейчас вас пригласят. – Взяв листки, она, эффектно покачивая бедрами, скрылась за дверью, тут же вернулась и, мило улыбнувшись, пригласила: – Проходите, Леонид Семенович вас ждет...

Денис вошел в просторный кабинет, не менее скромный, чем приемная: один маленький диванчик, два кресла, низкий столик, гладкошерстный ковер на полу, простые светленькие обои и... люстра Чижевского. Гройцман встречал клиента стоя, в одной руке бережно сжимая разноцветную кипу анкет, а другую радушно протягивая для приветствия.

– Здравствуйте, Денис Андреевич. – Он заботливо усадил Дениса в кресло, уселся напротив, а потом вдруг рывком зашвырнул анкеты под диван. – Так что же вас ко мне привело? Вы уж простите за прямоту, но я все-таки психолог и к тому же люблю свою работу, а одного взгляда на вас достаточно, чтобы понять, что вы не страдаете никакими фобиями и маниями, да и насморк, похоже, мучает вас крайне редко.

Дальше разыгрывать из себя неврастеника не было смысла, и Денис решил «открыть карты».

– Я частный детектив. – Он протянул Гройцману свою визитку. – В данный момент я расследую обстоятельства гибели одного вашего пациента, моя клиентка – его вдова, и мне всего лишь нужно...

– Уважаемый Денис Андреевич, вы, наверное, не сталкивались еще с врачебной этикой, а для меня это естественное состояние, – прервал его психолог.

– Но я не думаю, что информация, которая меня интересует, может повредить покойному.

– Может, вы и правы, – уклончиво заметил Гройцман, – но что я скажу официальным лицам? По какому праву я поделился тем, что знаю, с вами, а не с ними?

– Официально в возбуждении уголовного дела отказано – на этот счет вынесено постановление, – сообщил Денис, – но если хотите успокоить совесть, можете сейчас же позвонить в милицию и все рассказать им, а я просто постою рядом и послушаю, хорошо?

– Ладно, – рассмеялся психолог, – вы меня убедили. Насколько я понимаю, речь идет о Минчеве. Я читал некролог. И думаю, что Минчеву это действительно не повредит, хотя не ждите от меня слишком многого, спрашивайте, чем смогу – тем помогу.

– Проблема, с которой к вам обратился Минчев, может быть как-то связана с его гибелью?

– Если бы это был акт суицида – да.

– Расскажите, пожалуйста, подробнее, – попросил Денис.

– Вы ведь сами знаете, сейчас не жизнь, а сплошной стресс, добавьте сюда рост преступности и получите такой букет болезней, что лучше не думать об этом.

– То есть вы считаете, что причиной обращения Минчева к вам послужила окружающая обстановка?

– Безусловно! Когда вам мерещится, что за вами следят из трусиков собственной жены, – это болезнь, которую надо лечить, но к Минчеву это относится лишь частично. У него были проблемы: солнечные зайчики, например, он сплошь и рядом принимал за блики от окуляров бинокля, домашним телефонным аппаратом старался не пользоваться, выходя из помещения, обязательно останавливался, оглядывался, прислушивался. Он убедил себя в том, что его преследует некто или нечто, он даже заикнулся однажды о некоей могущественной структуре, «которая может все», а неудачи в бизнесе лишь усугубляли положение. Но я бы не сказал, что это было настолько серьезно, чтобы принимать радикальные меры.

– Он не говорил, на чем основываются его подозрения?

– Если бы его подозрения на чем-то основывались, он бы пошел в милицию или нанял бы себе взвод телохранителей. А он пришел ко мне, понимаете, в чем разница? Человек крайне редко способен признаться в том, что сам виноват в своих неудачах. Он сознательно или подсознательно ищет виновного на стороне, а к психологу идет потому, что никому другому не может рассказать ни о своих страхах, ни о поисках этого придуманного губящего его злодея. А если такой человек вдруг осознает, что злодей не снаружи, а внутри него, первое, на что его тянет, – это акт саморазрушения, то есть суицида.

– Минуточку, Леонид Степанович, – прервал Денис. – Что-то у вас не сходится. Если Минчев полагал, что за ним следят или его преследуют, то при чем тут самоубийство? Или

он уже отказался от этой идеи? Когда вы встречались в последний раз, он еще настаивал на слежке или уже готовился застрелиться?

– В последний раз мы встречались восьмого июня, – немного подумав, ответил Гройцман.

– А застрелился он одиннадцатого.

– Да, так вот Минчев все еще настаивал на том, что его преследуют. Но знаете, психика у него была настолько расшатана, что он в любой момент мог сломаться. Если он вдруг каким-то образом убедился, что слежка ему привиделась, это было бы для него роковым ударом. Осознать себя параноиком и бизнесменом-неудачником одновременно – это чудовищно.

В. А. Штур. 23 июня

На этот раз Владимиров опоздал всего на пять минут и даже извинился за это. И Вениамину Аркадьевичу не оставалось ничего другого, как напоить капитана чаем.

Дело в том, что Вениамин Аркадьевич уже давным-давно изобрел способ борьбы с коллегами, не отличающимися пунктуальностью. Чтобы их постоянные опоздания не ломали ритм его работы, он просто назначал им встречи, скажем, за полчаса или за час до того момента, когда реально желал их увидеть. Действовало безотказно. С одной стороны, опоздавший, даже если в этом не признается, всегда хоть немного чувствует себя виноватым, а значит, чтобы загладить свою вину, будет и слушать внимательнее, и свои обязанности выполнять тщательней. А с другой – Вениамин Аркадьевич сберег себе таким образом массу нервов и драгоценного рабочего времени.

Вот и сегодня он попросил Владимира явиться в 8.15, рассчитывая, что тот придет в лучшем случае к девяти. А до того Вениамин Аркадьевич успеет освежить в памяти сообщения капитана, которые вчера только бегло просмотрел, а заодно выпить чаю – пить чай в начале рабочего дня давно стало для него приятным и полезным ритуалом.

Но Владимиров почти не опоздал, Вениамин Аркадьевич даже хмыкнул про себя: а не ошибся ли он в капитане? Может, он еще не окончательно испорчен?

– Присаживайтесь, – почти по-отечески предложил Штур, разливая ароматный, с травами, крепчайший чай. – Вначале давайте обсудим, что у нас прибавилось за вторую половину вчерашнего дня, а потом решим, что делать дальше. Начну я.

Вениамин Аркадьевич вкратце рассказал о своих встречах с Вешенкой и Дубровым. Может, настроение у Вениамина Аркадьевича было сегодня какое-то особенное, но Владимиров показался ему вдруг не таким уж тупоголовым. Даже мелькнула мысль, а не увидит ли капитан во всех этих богемных выкрутасах чего-нибудь. Что не удалось разглядеть ему?

Но капитан, конечно же, ничего не увидел. Он достал из портфеля ворох бумаг и просто начал докладывать:

– Я побывал на пивзаводе «Яуза», встретился с главным инженером и главным технологом – людьми, наиболее тесно контактировавшими с Марковым. Они отзывались о нем, как об образцовом руководителе: в общении вел себя вежливо, был пунктуален, обладал высокой квалификацией – быстро вникал в сущность проблемы, предлагал нестандартные решения. Предприятие полностью принадлежит Маркову, частью акций владеют работники завода, но контрольный пакет у Маркова и он единолично решает все сколько-нибудь значимые вопросы. Затруднений предприятие не испытывает. Ни о каких производственных либо личных конфликтах Маркова допрошенные ничего не знают. В общем, от посещения завода проку не было, за исключением того, что выяснилось: Марков приобрел контрольный пакет пивоваренного завода в Ростове, и именно ростовские дела больше всего его интересовали в последнее время. Я подготовил в свободном стиле все, что мы смогли узнать о Маркове. – Владимиров протянул Штуру несколько напечатанных на принтере листов. – Сейчас хотел бы, с вашего разрешения, остановиться вкратце лишь на нескольких любопытных моментах.

И все– таки прогресс есть, слегка разомлев от чая, практически благодушно размышлял Штур. И говорить капитан, оказывается, умеет вполне внятно, и работу в принципе проделал немалую. Эх, ему бы достойного наставника, может, и получился бы из него сыскарь высшей пробы...

– В Ростове Сергей Вулих встретился с неким Григорием Степановичем Артамоновым, – продолжал тем временем Владимиров, – мелким бизнесменом, не принадлежащим ни к одной ростовской группировке...

– Не понял! – прервал Вениамин Аркадьевич. – Почему рапорты оперативников пересказываете мне вы? Почему они не были пересланы непосредственно мне?

– Просто мои коллеги воспользовались спецсвязью МВД и передали все в МУР...

– Впредь попрошу избавить меня от вашего посредничества, – проворчал Вениамин Аркадьевич. – И Пospelов и Вулих должны контактировать непосредственно со мной. А сейчас, ладно уж, продолжайте.

– Продолжаю, Артамонов сообщил, что около двух лет назад Марков вместе с семьей приезжал в Ростов. Что было истинной целью визита, Артамонов не знает. Через несколько дней после приезда жена Маркова исчезла. Выдвигали ли похитители какие-нибудь требования Маркову, входило ли в их планы ее убийство, неизвестно. Но она была найдена мертвой. А через неделю после его отъезда были найдены четыре трупа местных бандитов. Перед смертью их зверски пытали. Совершивших эту расправу не нашли. Прошел слух, что так Марков разделался с убийцами жены. Рассказчик не знает, кто бы мог пустить такой слух, или же не пожелал его указать, но сказал, что все эти события тогда сильно взволновали преступные круги города. Сведения о приезде Маркова с семьей и смерти жены в уголовном розыске Ростова подтвердили. Также подтвердили, что совершившие преступление найдены не были. Предполагаю, выполнили гастролеры.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.